

ХЕЛЕН ГУДА

ЧУЖАЯ

ДЛЯ ВОЖДЯ ВИКИНГОВ

Хелен Гуда

Чужая для вождя викингов

<https://litres.ru/74350832>

Аннотация

Очнуться привязанной к столбу и почувствовать запах своих подпаливаемых пламенем волос — такое себе начало дня, правда? В другом мире меня ни много ни мало решили отправить на костер как ведьму! Спасибо варварам, вовремя подоспели. Правда, теперь я не просто избежала сожжения, а стала... трофеем вождя викингов. И теперь я принадлежу этому брутальному северянину, который хочет сделать меня своей. Вот только чего хочу я сама?

Кажется, я крупно попала...

В тексте есть: *# Властный вождь викингов *# Неунывающая попаданка *# Эмоционально и напряженно *# Интриги и тайны *# Немного страсти между героями *# ХЭ Книга является частью литмоба "Сказки северных земель"

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	25
Глава 3.	49
Глава 4.	64
Глава 5.	83
Глава 6.	96
Глава 7.	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Глава 1.

– На помощь, – шепчу еле слышно, но помочь мне некому.
– Спасите, – бормочу едва шевеля губами.
– Колдунья! Ведьма! – слышны крики в ответ на мои мольбы.

Грубая веревка врезалась в запястья, будто старалась прогрызть кожу до кости. Я дернулась, пытаюсь освободиться, но лишь усугубила агонию. Холодное дерево столба – вот все, что отвечало на мои отчаянные мольбы. Паника, до этого лишь намеком маячившая на горизонте, обрушилась со всей мощью шторма, ледяными пальцами сдавливая горло. Воздуха катастрофически не хватало.

Передо мной плясал ненасытный зверь – пламя костра. Огромная пирамида из сухих веток и толстых бревен с хрустом и треском пожирала воздух, выбрасывая в багровое небо клубы едкого дыма. Запах горелой древесины, обычно такой уютный, здесь смешивался с чем-то первобытным, звериным, заставляя желудок судорожно сжаться.

Кровь? Страх? Нечто настолько чуждое, что вызывало дикую тошноту.

Самым страшным был звук. Неистовый, гудящий, как разбуженный улей. Крики. Слова, словно острые камни, разбились о мой слух, ранив и калеча.

– Колдунья! Ведьма! Сжечь ее! Очистить землю! – реве-

ла толпа, словно хор безумцев. Их лица, искаженные ненавистью и фанатизмом, напоминали звериные морды. В глазах плясал нездоровый голодный блеск. Я не понимала... ЧТО происходит? Где я, черт возьми, нахожусь? Это не мой мир... Это какое-то Средневековье...

Ужас парализовал меня, превращая в беспомощную марионетку, привязанную к этому проклятому столбу. Взгляд, прикованный к бушующему пламени, постепенно прояснился. Понимание накатило волной ледяного ужаса.

Этот костер... он – моя могила.

Они собираются меня сжечь. Отчаяние, черное и всепоглощающее, хлынуло в сознание, стирая любые признаки разума. Это не может быть правдой. Это бред, галлюцинация, кошмар, от которого я вот-вот проснусь...

Но чем дольше я смотрела на языки пламени, лижущие воздух, чем громче становился оглушительный рев толпы, тем навязчивее становилось ощущение дежавю. Словно... словно я уже переживала это. В самых темных закоулках памяти мелькнула тень – чувство беспомощности, животный страх, тошнотворный запах гари, звериная ненависть, обращенная на меня... Но воспоминания были фрагментарными, как осколки разбитого зеркала, слишком туманными, чтобы сложить их в цельную картину.

Сквозь пелену страха и слез я попыталась сфокусировать взгляд на толпе, выискивая хоть что-то знакомое, хоть какое-то логическое объяснение этому безумию. И тут я за-

метила ее. Или его? Фигуру в непроницаемо черном плаще с глубоко надвинутым капюшоном, скрывавшим лицо. Она стояла в самом темном углу, у самой кромки толпы, наблюдая издалека, отстранившись от всеобщего безумия. Ее неподвижность контрастировала с бушующей вокруг яростью, пугала еще больше. Лица не было видно – лишь зловещая тень, поглощающая все. Но я чувствовала... ощущала на себе этот взгляд, тяжелый и давящий, словно каменная плита. Взгляд, лишенный всякого сочувствия, всякой эмоции.

Я зажмурилась, пытаюсь унять предательскую дрожь, пронизывающую все тело. Это просто галлюцинация, игра измученного разума, порожденная невыносимым страхом. Но когда я снова открыла глаза, фигура в капюшоне все еще была там. Неподвижная, безмолвная, наблюдающая. Не моргая, не шевелясь, как каменный истукан, вырезанный из самой тьмы.

И тогда, словно удар молнии, меня пронзила леденящая кровь догадка. Я не просто умираю. Я умираю знакомой смертью. И кто-то наблюдает за этим... Словно это спектакль, разыгрывающийся специально для него (или нее). И я – главная героиня, обреченная повторять свою роль снова и снова. В этот момент страх трансформировался в оцепенение, в ужасающее принятие неизбежного.

За густым дымом и слоем пепла, вздымающимся от костра, видимость была отвратительная, но об изменении на-

строения толпы не нужно было догадываться – об этом вопил воздух. Яростные выкрики, адресованные мне, сменились паническим воем, взметнулись на октаву выше, пронизаны животным ужасом. Что-то надвигалось, что-то, что заставило забыть о колдунье на костре, что было страшнее самой смерти. До меня донесся лязг оружия, грубые хриплые мужские голоса, тяжелый топот, приближающийся, словно гроза.

– Викинги! Они здесь! Викинги! – сорвавшийся на визг голос прорезался сквозь общий гул.

Викинги? Сначала мысль показалась мне нелепой, абсурдным порождением и без того бредового кошмара. Но вот из-за ближайших домов вынырнула первая волна нападавших. Высокие, широкоплечие, с длинными дикими волосами, развевающимися на ветру словно гривы, и косматыми бородами. Они казались не людьми, а воплощением самой ярости. Острия мечей, облизанные закатным солнцем, вспыхивали зловещим огнем, щиты оцетинились шипами, словно дикобразы.

На мгновение во мне затеплилась слабая искра надежды. Может быть, это случайный шанс? В этом хаосе, в этой всеобщей панике я смогу выскользнуть, раствориться, вырваться из этих проклятых пут и навсегда исчезнуть из этого безумного места. Адреналин толчком ударил в голову, наполнив тело обманчивой энергией. Я снова дернулась, до боли в мышцах напрягая руки, силясь ослабить веревки, но они

лишь сильнее врезались в кожу. Безуспешно.

Моя мимолетная надежда обратилась в пепел, когда первые викинги достигли костра. Они не пришли спасать дев в беде и карать злых фанатиков. Их глаза горели лишь жаждой наживы и кровопролития. Ярость клокотала в них, как лава в вулкане, не меньше, чем пламя в костре. Они обрушивались на толпу, рубя и кромсая без разбора, им было плевать, кто ведьма, а кто нет. Город захлестнула волна резни, паники и огня. Люди бежали, спотыкаясь, падали, кричали, молили о пощаде, но викинги не знали милосердия.

Хаос сгущался, превращаясь в осязаемую субстанцию. Воздух пропитался запахом крови, гари и животного страха. Мое секундное замешательство уступило место новому, скользящему ужасу. Я оказалась зажатой между двумя смертями: мучительная смерть на костре или быстрая – от руки варвара. Какая из них предпочтительнее? Право выбора, как всегда, не оставили.

В самый разгар всеобщего безумия, словно злой рок, я вновь увидела ЕЕ – фигуру в капюшоне. Она стояла там же, у самой околицы, словно невидимая для окружающих, отстраненно наблюдая за разворачивающейся бойней. На долю секунды наши глаза встретились. Лица по-прежнему не было видно за тенью капюшона, лишь всепоглощающая тьма. Но я ощутила Ее взгляд кожей, чувствовала, как он прожигает меня насквозь. И я почти отчетливо видела, что Она улыбается. Не губами – они скрыты в тени. Глазами. Холодными,

расчетливыми, полными мрачного торжества.

И затем Она исчезла. Просто растворилась в бурлящем хаосе, словно дым, унесенный ветром, слилась с тенями и бесследно пропала. Я зажмурилась, мотая головой, пытаюсь убедить себя, что это всего лишь игра воспаленного сознания. Но нет. Ее действительно больше не было. Будто Ее никогда и не существовало.

Викинги приближались. Они рубили на куски стражников, разогнали испуганных горожан, поджигали лавки и дома, превращая город в пылающий ад. Запах гари становился все сильнее, жар от костра – невыносимым. Я чувствовала, как обжигающие слезы катятся по моим щекам.

Я осталась совершенно одна, привязанная к позорному столбу, между бушующим пламенем и надвигающейся стеной смерти.

Воины-варвары ворвались на площадь, словно стая голодных волков, сорвавшихся с цепи, круша все на своем пути. Звон клинков, предсмертные крики, треск рушащихся построек и пожирающего город пламени слились в какофонию хаоса. Я зажмурилась, ожидая, что сейчас почувствую удар топора, который прекратит мои страдания, но боль так и не пришла.

В этот самый момент, словно в ответ на мои безмолвные молитвы, с небес обрушился дождь. Крупные холодные капли ударили по лицу, смешиваясь со слезами. Пламя костра, до этого казавшееся таким всепоглощающим, стало слабеть,

уступая напору стихии. Вскоре от него остались лишь тлеющие угольки и густые клубы пара.

– Пожалуйста, пусть меня никто не заметит после того, как все закончится, – шептала я про себя. – Как только они уйдут, я убегу. Не знаю еще куда, но убегу.

Вместо этого чьи-то грубые пальцы вцепились в мой подбородок, заставляя поднять голову. Распахнув глаза, я увидела перед собой викинга. Не простого воина, а вожака, предводителя. В его пронзительных льдисто-голубых глазах, вопреки общей звериной жестокости, читался острый ум и какое-то странное, почти непозволительное любопытство.

– Что это у нас тут, а? – прорычал он, внимательно рассматривая меня с головы до ног. В его голосе чувствовались удивление и насмешка. Я ощущала на себе тяжесть его изумляющего взгляда, словно я была не человеком, а редким диковинным зверем, выставленным на продажу. – Колдунья? Непохожа. Слишком... чистая для ведьмы. В этих глазах нет тьмы, только испуг.

Не знаю, что конкретно его зацепило: мой жалкий отчаянный вид, мои рыжие волосы или что-то еще, неподвластное моему пониманию, но он внезапно поднял руку, жестом останавливая воинов, почти занесших надо мной топоры.

– Стой! – его властный рык заглушил даже оглушительный шум битвы. – Не трогать ее! Она моя.

Воины замерли, опешив от неожиданного приказа. Переглядываясь, они явно не понимали, чем я приглянулась их

предводителю.

Игнорируя их недоумение, Торвальд одним молниеносным ударом меча перерубил веревки, связывавшие меня со столбом. Мои ослабевшие ноги не выдержали, и я рухнула на землю как подкошенная. Прежде чем я успела сообразить, что происходит, Торвальд подхватил меня на руки, словно невесомую куклу.

– Забираем ее с собой. Она будет моей добычей, – объявил он, и в его словах прозвучал зловещий оттенок. Скорее приговор, чем обещание.

Вождь викингов развернулся, намереваясь отнести меня к драккару, и тут его взгляд остановился на моей шее. Амулет. Старый серебряный кулон в форме переплетенных рун, который я носила с самого детства. Его лицо помрачнело, нахмурилось. Во взгляде промелькнула тревога, смешанная с суеверным страхом.

– Что это? – пробормотал он, обращаясь скорее к себе, чем ко мне, и осторожно коснулся моего амулета кончиком пальца. – Я видел этот знак раньше... в древних сагах, вырезанным на камнях... Знак... "Ведьмы, рожденной дважды".

Я понятия не имела, о чем он говорит, но его слова, произнесенные с такой странной интонацией, заставили меня невольно задрожать. Что-то в этом амулете, что-то древнее, таинственное и, возможно, очень опасное привлекло его внимание.

В глазах мужчины на мгновение вспыхнуло какое-то

смутное узнавание, словно он пытался вспомнить давно забытый сон. Он смотрел на меня так, словно пытался разгадать сложную, запутанную загадку, найти ответ на вопрос, который мучил его долгие годы.

– Откуда он у тебя? – прошептал он, и его голос стал тише, мягче, почти нежным. Контраст с его прежним грубым рыком был поразительным.

Я лишь пожала плечами, не зная, что ответить. Амулет был частью меня, он сопровождал меня всю мою жизнь. Я никогда не задавалась вопросом о его происхождении или истинном значении.

Вожак покачал головой, словно отгоняя наваждение, отбрасывая прочь ненужные сейчас мысли. – Неважно, – пробормотал он. – Это все не имеет значения.

С этими словами он понес меня к кораблю, словно драгоценную добычу, игнорируя недоуменные взгляды своих воинов. Я ощущала на себе тепло его сильных рук, чувствовала силу его мощного тела.

Ледяной дождь, словно издеваясь над моими бесплодными надеждами, продолжал беспощадно хлестать, пока меня, как мешок картошки, несли на плече, то и дело похлопывая по пятой точке и сжимая ее.

Я боялась пошевелиться или поерзать, не говоря уже о том, чтобы возмутиться. Меня несли к кораблю викингов: драккару. Огромному, мрачному, хищному, словно вырезанному из ночи.

Будто услышав мои невысказанные вопросы, он неожиданно грубо бросил через плечо:

– Торвальд. Запомни это имя, девка. Мое имя Торвальд. Будешь обращаться ко мне господин или хозяин, а по имени разрешу, если хорошо ублажишь, – и мужчина гортанно рассмеялся. Если до этого еще и были сомнения о моей участи, то теперь они отпали окончательно. Я постаралась подавить всхлипы и не реветь, чтобы не злить варвара.

Он не спустил, не положил, а просто швырнул меня в маленькой каюте. Это был тесный душный чулан, пропахший затхлой кожей, едкой солью, потом, кровью и чем-то диким, звериным, первобытным. Судя по скудной обстановке – узкая койка, грубо сколоченный стол, пара сундуков, – Торвальд обитал именно здесь. Окинув меня напоследок своим холодным, пронизывающим насквозь взглядом, он коротко бросил:

– Сидеть здесь! Не смей высовывать свой нос наружу, пока я не позволю. Нарушишь приказ – пожалеешь. Очень сильно пожалеешь, – в его словах сквозила неприкрытая угроза. В его голосе не было ни тени сомнения, ни намек на милосердие. Лишь уверенность в своей власти и готовность немедленно применить силу.

Я, испуганно кивнув, словно перепуганный кролик, вжалась в холодную сырую стену. Торвальд развернулся и, пробурчав что-то себе под нос, вышел, оставив меня в одиночестве и кромешной тьме.

Лишь когда дрожь немного утихла и я смогла хоть немного прийти в себя, осознала, что эта каюта, несмотря на всю ее неприглядность, — моя единственная возможность вырваться на свободу. Надеяться на милость этих варваров было бессмысленно. Они не знали сострадания. Уверена, когда вернется этот мужлан, то меня ждет насилие. И в лучшем случае он оставит меня себе, а то так отдаст своим людям, а со мной церемониться не будут.

Собрав в кулак все остатки мужества, я осторожно выглянула из каюты. Город, в котором еще совсем недавно меня собирались сжечь заживо, пылал, освещая все вокруг зловещим багровым светом. Жуткий танец пламени, предсмертные крики, грохот рушащихся построек — викинги снова-таки туда-сюда, грабя, убивая, разрушая. В этом хаосе, в этом безумии и заключался мой шанс.

Бесшумно ступая по скрипучему деревянному настилу, я пробралась к выходу. У трапа, ведущего на берег, стоял огромный воин, присматривающий за кораблем. Он был облачен в кожаный жилет, а в руке сжимал увесистый топор. Я понимала, что действовать нужно быстро, решительно и безжалостно. Схватив валявшийся неподалеку обломок доски, я со всей силы ударила викинга по голове. Он лишь охнул и рухнул на землю словно подкошенный, придавив меня своей непомерной массой. Собравшись с силами, я кое-как выкарабкалась из-под его тела. Медлить нельзя, потому что я хоть и приложила все силы в этот удар, но лишь ненадолго

оглушила здоровяка. Не раздумывая ни секунды, перепрыгнув через борт, я спрыгнула на берег и побежала, спотыкаясь и падая, прочь от этого проклятого места, от огня, от смерти.

В груди постепенно поднималась волна восторга и долгожданной надежды. Я смогла! Я вырвалась из лап смерти. Из плена. Свобода! Я чувствовала себя птицей, выпущенной из тесной клетки. Воздух казался пьянящим, а земля под ногами – мягкой и податливой. Я должна была бежать, бежать как можно дальше, в глубь леса, где смогу затеряться и остаться в живых.

Но моей радости не суждено было продлиться долго. Буквально через несколько десятков шагов, когда сердце, наконец, начало отбивать ровный ритм, я неожиданно столкнулась еще с тремя викингами. Они тащили огромные мешки и тяжелые сундуки, набитые доверху награбленным добром. Заметив меня, они остановились как вкопанные, окинув оценивающим похотливым взглядом.

Те несколько мгновений, что я замешкалась, и стали роковыми. Пока я решала, что делать и куда бежать, викинг бросил сундук на землю и рванул в мою сторону.

Я попыталась бежать, но было уже слишком поздно. Самый крупный из них, с мерзкой ухмылкой на обезображенном шрамами лице, оказался очень быстрым. Даже быстрее, чем я могла предположить. В мгновение ока он схватил меня за руку и с такой силой дернул на себя, что я потеряла равновесие и рухнула на холодный мокрый песок. Он гру-

бо перевернул меня на спину и рывком задрал мою юбку, обнажая ноги и бедра. В свете пылающего города его глаза блестели голодным огнем. Страх, ледяной и парализующий, сковал меня. Я не могла кричать, не могла пошевелиться. Лишь беззвучно шептала молитву, зная в глубине души, что моим надеждам на спасение так и не суждено сбыться. Что я совершенно одна и надеяться больше не на что.

– Не сопротивляйся, тебе понравится, – проговорил мужчина где-то около моего уха, шаря у себя одной рукой в районе паха, а другой зажав мои запястья, заведя их мне за голову. Двое других варваров заржали и окружили нас, видимо, дожидаясь своей очереди, чтобы надругаться надо мной.

Холодный ужас, сковавший меня, словно лед, начал медленно отступать. На его место пришли отчаяние, животный страх и, как ни странно, ярость. Этот коктейль и стал той силой, что вырвала меня из оцепенения. Я начала отчаянно сопротивляться, извиваться, царапаться, кусаться, пытаюсь вырваться из его цепких железных рук.

Мои пальцы впивались в его щетинистую кожу, оставляя багровые полосы. Он рычал, словно дикий зверь, но хватку не ослаблял ни на секунду. В какой-то момент в отчаянной попытке вырваться мне удалось перевернуться и встать на четвереньки.

Варвар лишь противно, самодовольно расхохотался, отчего по коже, и без того покрытой мурашками, пробежала новая волна дрожи.

– Вот так даже лучше будет, девка. Гораздо интереснее. Мне нравится видеть тебя в таком положении, – прохрипел он, выплевывая слова сквозь гнилые зубы, и с силой шлепнул меня по оголившейся ягодице, оставляя яркий красный след. Боль была резкой, обжигающей, унижительной, как и все, что происходило со мной в этот кошмарный вечер. Слезы навернулись на глаза, но я стиснула зубы, полная решимости не дать ему сломить меня.

Неожиданно противное ржание двух других викингов, наблюдавших за нашей борьбой, резко прекратилось. Что-то случилось. С недоумением, с робкой надеждой в сердце я подняла голову и в тот же миг почувствовала, как всей своей тяжестью, словно рухнувшая скала, на меня обрушился варвар, пытавшийся меня изнасиловать. От неожиданности я испуганно закричала, попыталась оттолкнуть от себя его тело, но его вес был слишком велик. И вдруг меня грубо, словно куклу, выдернули из-под него и резко поставили на ноги.

Это был Торвальд.

Неожиданно, неконтролируемо меня захлестнуло чувство облегчения, граничащее с истерикой. Впервые за все это ужасное время я почувствовала себя хоть немного в безопасности. Я была готова расплакаться от счастья, от истощения, от пережитого страха. Торвальд, словно непреступная стена, заслонил меня собой, и я, не раздумывая, как испуганный ребенок, спряталась за его широкую могучую спину,

чувствуя, как дрожит все мое тело.

– Что здесь происходит? – его голос был низким, угрожающим, рычащим, полным сдерживаемой ярости, готовой вырваться наружу. Вожак викингов сурово, ледяным тоном вопрошал у своих воинов, почему они осмелились посягнуть на его добычу, зная, что я принадлежу ему. В его тоне не было ни капли сочувствия ко мне, лишь собственнический гнев.

Тот, кто пытался меня изнасиловать, наконец, пришел в себя после оглушительного удара, которым его наградил Торвальд. Пошатываясь, словно пьяный медведь, он с трудом поднялся на ноги и, сплюнув сгусток крови на песок, вызывающе ответил, не отводя от него злобного взгляда:

– Все у викингов общее, Торвальд. В том числе и девки, особенно такие "ведьмы". Какая разница, кто первым попробует эту грязную шлюху? Я поделился бы. Тебе бы тоже, сопляк, что-нибудь досталось. Не обеднел бы.

Гнев Торвальда, казалось, материализовался в воздухе, став ощутимым, густым, тяжелым, словно нависшая грозовая туча.

– Она моя, – процедил он сквозь стиснутые зубы, сквозь ярость, клокочущую в его груди. – И никто, слышите меня?! Никто не посмеет прикоснуться к ней. Она будет принадлежать только мне. Запомните это!

Я почувствовала, как по спине пробежал ледяной холодок. Этот спор был не только обо мне, не только о моей без-

опасности. В нем таилась неприкрытая борьба за власть, за авторитет, за уважение. Я боялась, что озверевшие варвары набросятся на своего вожака, разорвав его на куски. Торвальд был молод, определенно моложе этих закаленных в бесчисленных битвах воинов. И, судя по их наглому отношению, он, видимо, не так давно стал их предводителем. Возможно, его назначили вождем только на этот конкретный грабительский поход, чтобы испытать его, проверить его силу.

Нападавший на меня викинг, словно прочитав мои мысли, ухмыльнулся, обнажив гнилые зубы.

– Пусть будет по-твоему, пока что... вожак. Но не обольщайся. Тебя назначили вождем только на этот раз. Но когда мы вернемся домой, нас рассудит настоящий вожак, ярл. А ты там, щенок, будешь бегать у него на побегушках.

Торвальд, словно разъяренный зверь, выпущенный из клетки, ринулся на наглеца, готовый растерзать его на месте. Но в тот же миг двое крепких викингов подхватили их под руки, сдерживая от неминуемой кровопролитного сражения. Напряжение достигло предела. Казалось, еще мгновение – и песок обогрится кровью, но на этот раз не жителей сожженного города, а самих викингов, погрязших во внутренней вражде. В воздухе висела зловещая тишина, готовая в любой момент взорваться.

Неожиданно, словно по невидимому сигналу, Торвальд резко успокоился. Ярость, клекотавшая в его глазах, словно

бушующее пламя, в мгновение ока угасла, сменившись ледяной расчетливой решимостью, пронизывающей до костей.

— Да, ярл нас рассудит, — спокойно, даже буднично ответил он, обводя взглядом притихших воинов, будто оценивая их повиновение. — А пока, пока мы в море и подчиняемся законам моря, я здесь решаю. И чтобы никто... слышите меня?! Никто не смел даже пальцем эту девку тронуть. Иначе пожалеете так, как никогда в жизни не жалели.

В его голосе слышалась такая угроза, что даже огрубевшие от морских ветров лица викингов слегка побледнели.

С этими словами он жестко схватил меня за руку, вцепившись в запястье с такой силой, что острая боль прошла все тело. Кости, показалось, хрустнули от его железной хватки. И безо всякого сожаления потащил меня по берегу к драккару, словно мешок с награбленным добром. Ноги еле успевала перебирать по неровному песку, спотыкаясь о ракушки и осколки камней. Я чувствовала, как жгучая боль от порезов расползается по ступням, но он не обращал на меня никакого внимания, словно я была не живым человеком, способным чувствовать боль, а бессловесной неодушевленной вещью, предназначенной для его удовольствия.

Он снова притащил меня в ту же тесную, пропахшую потом, солью, рыбой и кровью каюту. Будто ненужный мусор бросил меня на пол, прямо на грязный свалявшийся тюфяк, накрытый грубой жесткой шкурой какого-то вонючего животного.

– Сидеть здесь! – рывкнул он. – Молчать и не высовывать-ся! Или, может, тебе так не терпится, чтобы тебя отымели мои воины? Тебе так сильно этого хочется? Если это так, я могу прямо сейчас отдать тебя им в качестве награды за сожженный город. Они будут рады развлечься, а ты, ведьма, им поможешь, – в его словах сквозили такая ненависть и презрение, что меня будто окатили ледяной водой.

Я испуганно, отчаянно, с мольбой в глазах, замотала головой, не в силах произнести ни единого слова. Страх, как парализующий яд, проникал в каждую клеточку моего тела, превращая меня в безвольную тряпичную куклу, готовую подчиниться любой его прихоти. Он видел моё состояние, и, похоже, это доставляло ему какое-то извращенное удовольствие.

Мужчина ушел, громко хлопнув дверью, за которой сразу смолкли голоса, оставив меня в оглушающей тишине, но вернулся через какое-то время, держа в руках глиняную миску с горячей, пахнущей дымом, пережаренным мясом и травами похлебкой и грубый, зачерствевший кусок черного хлеба.

– Ешь, – коротко бросил он, словно кидая кость голодной собаке, и молча, не отрывая от меня взгляда, наблюдал, как я жадно, торопливо глотаю скудную пищу, пытаюсь согреться изнутри и хоть немного утолить голод, мучивший меня. Закончив есть, я вопросительно посмотрела на Торвальда, ожидая очередного унижения, но его лицо оставалось непро-

ничаемым, словно высеченным из камня. Он был спокоен, отрешен и непредсказуем, как море перед штормом.

– Из-за того, что ты посмела поднять руку на воина, который охранял корабль и выполнял мою волю, тебя будут судить, когда мы прибудем в нашу деревню, – неожиданно, словно между прочим, заявил он, ломая мучительное молчание.

Я удивленно, непонимающе посмотрела на него. Судить? Меня? За что? Неужели он серьезно думает, что я могла нанести вред этому огромному сильному викингу?

– Что... что будет? – прошептала я, не понимая всей серьезности ситуации.

Торвальд холодно, насмешливо усмехнулся, обнажая белые хищные зубы. – А что ты думала, глупая женщина? Что тебе все сойдет с рук? Ты – рабыня. Военный трофей. А рабы, которые поднимают руку на свободных людей, чьи руки осквернены оружием, должны быть наказаны. Это закон. Суровый, но справедливый.

Я молча переваривала эту чудовищную новость. Рабыня... Суд... Наказание... Все эти слова звучали зловещим приговором, от которого кровь стыла в жилах. Снаружи доносились приглушенные звуки голосов, пьяный смех, звон кружек и шум от празднования удачного набега – все это тонкой струйкой просачивалось сквозь щели в грубых стенах каюты, напоминая мне о моей полной беспомощности и безысходности.

Спустя какое-то время я почувствовала, как драккар ожил, словно пробуждаясь ото сна. Деревянные доски закрипели и застонали, такелаж натянулся, словно струны арфы, гигантский корабль содрогнулся и медленно, величественно отчалил от берега, разрезая черную как смоль воду своим острым килем. Мы плыли. Плыли навстречу моей судьбе, навстречу неизвестности, которая пугала меня больше смерти.

Я свернулась калачиком на жестком вонючем тюфяке, теснее закуталась в грубую и колючую шкуру, пытаюсь оградиться от окружающего меня кошмара и хоть немного согреться. И, несмотря на всепоглощающий страх, пронизывающий до костей холод и нестерпимую усталость, от изнеможения провалилась в беспокойный прерывистый сон, полный кошмаров и тревожных видений.

Мне даже снилось, будто я превращаюсь в ледышку. Казалось, лед проникал в каждую клеточку моего тела, в самую душу, замораживая остатки надежды. И вдруг, сквозь пелену полузабытья, смутно, словно в тумане, я почувствовала, как меня осторожно, бережно поднимают сильные руки и заботливо перекладывают на что-то более мягкое, теплое и уютное, напоминающее настоящую кровать. Инстинктивно, в поисках спасительного тепла, я прижалась всем телом к чему-то большому, горячему и твердому, утыкаясь лицом в источник долгожданного тепла, словно ребенок, нашедший защиту в объятиях матери.

Уважаемые читатели, данная книга участвует в лит-мобе "Сказки северных земель"

Присоединяйтесь, будет интересно

<https://litnet.com/shrt/NjUQ>

Глава 2.

Я резко распахнула глаза, будто меня бесцеремонно выдернули из глубокой темной пропасти кошмаров, где чудовища из прошлого и страхи будущего сплелись в единый пугающий клубок. Утро робко прокрадывалось сквозь узкие щели в грубых, просмоленных стенах каюты бледными, дрожащими полосами света, высвечивая в затхлом, пропитанном запахами моря, пота и плесени воздухе миллиарды пылинок, лениво танцующих свой бесконечный хаотичный танец. Первое, что я почувствовала, пробуждаясь от тяжелого сна, – ноющую, нестерпимую боль во всем теле, словно меня жестоко избили, со всей силы ударив по каждому сантиметру кожи. Второе – невыносимый, жгучий стыд, обжигающий, словно клеймо, каждую клеточку моего тела. Я лежала... лежала в настоящей постели. Я чувствовала под собой не жесткий пол и не свалывшийся тюфяк, а мягкую подстилку, укрытую теплым тяжелым одеялом. Но это было не самое удивительное. Самым шокирующим, самым немыслимым было то, что я лежала в этой постели не одна. Рядом со мной на боку мирно, безмятежно посапывал Торвальд.

Сердце бешено заколотилось в груди, словно испуганная птица, отчаянно бьющаяся о прутья тесной клетки. Я замерла, боясь даже пошевелиться, чтобы не нарушить его сон, но медленно, осторожно повернула голову, пытаюсь убедить

себя, что это всего лишь очередной кошмар, порожденный моим измученным сознанием. Но нет, это был он. Огромный могучий викинг, покоритель морей и грабитель земель, сейчас, спящий рядом со мной, казался таким безмятежным и открытым. Тьма отступила от его лица, обнажив человеческие черты. Его густые, будто выбеленные снегом волосы разметались по подушке, словно растрепанные крылья. Щетинистое лицо расслабилось, разгладились морщины, и даже глубокий шрам, пересекающий его левую бровь, полученный, наверное, в одной из многочисленных битв, казался сейчас менее зловещим, словно всего лишь случайная отметина.

Но настоящий кошмар только начинался.

Его огромная рука, тяжелая, как камень, лежала на моей груди, грубо, бесцеремонно сжимая ее сквозь тонкую, почти прозрачную ткань моей рубашки. Я вздрогнула, ощущая, как под его пальцами напрягся сосок, и едва сдержала стон. И тут же, почти одновременно с болью, я ощутила еще один недвусмысленный и вызывающий бурю противоречивых эмоций признак его пробуждающейся мужской силы – твердое, каменное возбуждение, бесстыдно упирающееся в мою поясницу, обжигая сквозь тонкую ткань платья.

Паника ледяной волной захлестнула меня с головой, парализуя волю и разум. Я попыталась осторожно, медленно отстраниться, освободиться из его хватки, но любое мое движение только усиливало давление его руки и бедра, затяги-

вая меня в его плен еще сильнее. Каждый вздох давался с трудом. Я затаила дыхание, понимая, что малейший шум, самый тихий шорох может разбудить его и тогда... Тогда я даже боялась представить, что может произойти.

Но было уже поздно. Будто почувствовав мое движение, Торвальд глухо заворочался во сне, промычал что-то нечленораздельное, похожее на древнюю ругань, и медленно, неохотно открыл глаза. Встретившись со мной взглядом, он на мгновение замер, выныривая из мира сновидений в реальность, пытаясь понять, что, черт возьми, происходит. А потом, полностью придя в себя, медленно, самодовольно и хищно усмехнулся, обнажая ровные, белые зубы, как у матерого волка.

– Проснулась, птишка? – прохрипел он сонным голосом, в котором сквозило неприкрытое самодовольство. – Хорошо спала? Жарко тебе было этой ночью? А то ты так ко мне жалась. Ластилась, как кошка.

Его глаза, обычно холодные и бесстрастные, сейчас горели каким-то непонятным хищным огнем, заставляющим меня содрогаться.

Краска стыда, обжигающего как кипяток, стремительно залила мое лицо, шею и грудь, будто я совершила нечто постыдное и грязное. Я не помнила ничего подобного. В памяти зияла пустота. Неужели я действительно жалась к нему во сне? Неужели я, пленница, ненавидящая его всем сердцем и мечтающая лишь об одном – о свободе, искала в нем защиты

и тепла? Неужели моя потребность в тепле была настолько велика, что заставила меня забыть о гордости и достоинстве?

Смущение и растерянность сковали меня по рукам и ногам, парализовав волю и разум. Я не знала, как себя вести, что говорить, что делать. Я чувствовала себя одновременно благодарной ему за то, что он спас меня от страшной участи быть изнасилованной его воинами, и в то же время боялась его больше дикого зверя, боялась его непредсказуемости и жестокости. И, как это ни странно, как бы безумно это ни звучало, помимо страха и ненависти я чувствовала какое-то странное, пугающее меня саму, необъяснимое притяжение к этому грубому, жестокому мужчине. Его дикая красота, несомненная сила и опасная харизма притягивали меня, словно мотылька к пламени.

Торвальд, будто читая мои мысли и наслаждаясь моей внутренней борьбой, посмеивался, презрительно наблюдая за моими мучениями. Он, казалось, находил какое-то извращенное удовольствие в моем замешательстве и страхе.

Внезапно, без всякого предупреждения, он резко откинул одеяло, открывая моему взору свой мощный, мускулистый торс, покрытый многочисленными шрамами, как летопись его бурной жизни. От этого зрелища по моему телу пробежали мурашки, а в животе что-то странно сжалось. Сбросив с себя последние оковы сна, он стремительно поднялся с постели, демонстрируя свое безупречное, сильное тело, и, не говоря ни слова, вышел из каюты, оставив меня в одино-

честве. Я застыла как парализованная, не в силах оторвать взгляд от его широкой мускулистой спины, на которой четко вырисовывались следы от старых ран. Благо хоть штаны на нем были надеты, а то я бы просто превратилась в кучку пепла от стыда.

Через какое-то время он вернулся, неся в руках два грубых просмоленных ведра. Одно было наполнено чистой, прозрачной водой, а другое – совершенно пустое, зияющее своей чернотой. Я вопросительно, растерянno посмотрела на него, не понимая, что происходит и чего он от меня хочет.

– Это, – Торвальд грубо указал на пустое ведро, – чтобы ты могла справить свою нужду, рабыня. Здесь. Тебе незачем выходить из этой каюты без моего личного разрешения. Поняла? – его голос был холоден и бесстрастен.

Я с трудом сглотнула ком, подступивший к горлу, и молча кивнула, чувствуя, как кровь отливает от лица, оставляя после себя неприятное ощущение пустоты и слабости. Мысль о том, что он заставляет меня справлять нужду в его присутствии, была невыносимой.

– А это, – он кивнул на ведро с водой, – если захочешь умыться и привести себя в порядок. Чтобы хоть немного смыть с себя этот въедливый запах гари от костра, которым ты теперь воняешь, как лесной зверь. Хотя, боюсь, даже вода не поможет.

С этими словами он бесцеремонно поставил ведра на пол с громким стуком и снова вышел, оставив меня наедине со

своим смущением, страхом и мучительным, зарождающимся чувством вины. Я чувствовала себя грязной, оскверненной, униженной и одновременно, что парадоксально, благодарной ему за проявленную ко мне... заботу? Нет, этого не могло быть. Неужели я схожу с ума? Неужели я начинаю оправдывать его жестокость и насилие? Неужели я начинаю привыкать к своему новому унижительному положению рабыни?

Я действовала быстро, почти механически, стараясь полностью отключить сознание и не думать ни о чем. Если я позволю себе задуматься о происходящем, то просто сойду с ума. Стыд и отвращение сжимали мое горло мертвой хваткой, лишая воздуха, но я понимала, что у меня нет выбора. Нужно было сделать это, перешагнуть через свою гордость, через свое отвращение и как можно скорее. Я сделала свои дела в ведро, испытывая острое чувство унижения от самой мысли, что этот варвар мог слышать или даже представлять себе, чем я занимаюсь. Я изо всех сил старалась не смотреть на его содержимое, чувствуя, как волны стыда, словно кипящая лава, обжигают мое лицо и шею. Как только все было кончено, я, словно затравленный зверь, отвернулась, подавляя подступающую тошноту и желание выбежать из этой проклятой каюты.

Следующим, не менее мучительным испытанием была "гигиена". Я дрожащими руками скинула с себя грязное и пропахшее потом, гарью и еще чем-то неуловимо чужим пла-

тье, чувствуя, как голая кожа тут же покрывается мурашками от пронизывающего холода, проникающего сквозь щели в стенах. Вода в ведре была ледяной, обжигающей, словно зимний ветер, но я понимала, что мои личные ощущения сейчас не имеют никакого значения. Нужно было помыться, во что бы то ни стало смыть с себя грязь, запах костра и, самое главное, липкий осадок унижения, чтобы почувствовать себя хоть немного чище, хоть немного человеком.

Я зачерпнула горсть ледяной воды и плеснула на лицо, зажмурившись от резкой боли. Затем, стараясь не думать о противном ощущении грязных волос, смочила их водой и начала методично, словно одержимая, смывать с себя грязь слой за слоем, словно пытаюсь отмыть не только физическую скверну, но и въевшееся в меня чувство страха и стыда. Я терла кожу докрасна грубой тканью, сосредоточившись на каждом участке тела, пытаюсь избавиться от чувства, что меня коснулись грязными руками.

К тому моменту, когда я, наконец, закончила, воды в ведре почти не осталось – лишь мутная жижа на самом дне. Я стояла, дрожа от холода, с мокрыми волосами и кожей, стараясь хоть немного обсохнуть на сквозняке, проникающем в каюту. Именно тогда, когда я с ужасом и отчаянием думала о том, как мне, совершенно мокрой и окоченевшей, придется натягивать на свое тело это грязное и вонючее платье, вопреки своему желанию, в каюту вошел Торвальд.

Сердце бешено заколотилось в груди. Я, словно испуган-

ная лань, загнанная охотниками, шарахнулась в самый дальний угол каюты, автоматически, инстинктивно схватив грязное платье и пытаясь прикрыть им свою наготу. Я плотно закрыла глаза, ожидая оскорблений, унижений или, что еще хуже, грубого насилия.

Но вместо этого я услышала раскатившийся по каюте его грубый утробный смех, от которого по спине побежали мурашки.

– Чего ты так испугалась, ведьма? – прозвучал его голос, пропитанный насмешкой и презрением. – Будто я никогда раньше не видел женщин голыми? Или ты, наивная дурочка, считаешь, что есть что-то такое, что в тебе было бы интересно увидеть?

Его голос обжигал словно пламя, заставляя съеживаться от унижения.

Я не открывала глаз, чувствуя, как предательские слезы обиды и унижения жгучим потоком подступают к горлу, готовые вырваться наружу. Я изо всех сил старалась сдержать их, понимая, что проявление слабости станет для него еще одним поводом для издевательств.

Внезапно я почувствовала, как что-то падает на кровать рядом со мной. Я медленно, с опаской открыла глаза и увидела аккуратно сложенную стопкой одежду: простую рубашку из грубого льна и скромное платье из темной шерстяной ткани. Одежда была явно ношеной, но выглядела чистой и даже пахла чем-то приятно-нейтральным, словно сушеной

лавандой. Видимо, это было что-то из награбленных вещей.

— Надень это, если, конечно, не хочешь и дальше щеголять в своем тряпье, — коротко, не терпя возражений, приказал Торвальд. — Ты и так выглядишь, как пугало, вытащенное из грязной канавы.

И, не дожидаясь моего ответа, словно я была пустым местом, он развернулся и вышел из каюты, снова оставив меня наедине со своими противоречивыми чувствами и в полнейшем замешательстве.

Я смотрела на аккуратную стопку одежды, лежащую на кровати, и не знала, что думать. Это была завуалированная насмешка? Жестокая попытка унижить меня еще больше, заставив носить вещи с чужого плеча? Не исключено, что хозяйка этих вещей где-то лежит мертвая и изнасилованная. Или это все-таки... проявление какой-то странной, извращенной заботы, которую я, конечно, не заслуживала? Нет, это была абсурдная, безумная мысль. Торвальд не мог обо мне заботиться. Он был викингом, воином, грабителем, похитителем. Он мог лишь издеваться, мучить и использовать.

Но, несмотря на все свои сомнения и страхи, я все же взяла одежду и дрожащими пальцами начала надевать ее на свое мокрое озябшее тело. Рубашка оказалась немного велика, а платье слегка длинновато, особенно в рукавах. Но вещи были чистыми и теплыми, дарящими хоть какое-то подобие защиты в этой тяжелой ситуации. И это было сейчас самым главным.

Стоя в чужой одежде, я чувствовала себя еще более потерянной и одинокой, чем прежде. Кто я теперь? Пленница? Рабыня, вынужденная подчиняться воле своего господина? Или просто жалкая игрушка в руках жестокого викинга, обреченная влачить свои дни в страхе и унижении?

Едва я успела отдышаться после унижительной помывки, как дверь нашей затхлой каюты снова распахнулась, пропуская внутрь сквозняк, пропитанный солью и гнилью. В промежутке возник Торвальд, держа в руках грубую деревянную миску, будто выдолбленную наспех топором. Корабль ощутимо дернуло, и пол под ногами накренился. Я вцепилась в край койки, пытаюсь удержать равновесие.

Торвальд переступил порог, и в нос ударил резкий, тошнотворный запах какой-то вареной требухи. Вонь была такой сильной, что мой и без того расстроенный желудок взбунтовался. Меня тут же скрутило новым, еще более мучительным приступом тошноты. Каждый удар волны, каждая скрипучая жалоба старого судна, каждое движение Торвальда увеличивали давление внутри меня, приближая неминуемый взрыв. Его присутствие давило, душило, отравляло всё вокруг, заставляя меня чувствовать себя узником собственной плоти.

– Ешь, – коротко, будто бросая кость голодной псине, обронил Торвальд, протягивая миску. – Нельзя быть слабой, когда ты в плену. Слабые долго не живут.

В его голосе не было ни тени сочувствия, лишь холодная, безразличная констатация факта, словно речь шла о скотине,

а не о человеке.

Я с отвращением перевела взгляд на содержимое миски. Бурая мутная жижа с плавающими в ней ошметками чего-то совершенно неопределенного. Овсянка? Мясо? Рыба, сваренная до состояния кашицы? Невозможно было разобрать. Аромат этого варева был... специфическим, мягко говоря. Он напоминал мне о гниющих водорослях, выброшенных на берег, затхлой болотной воде и давно немытом теле. Мой желудок в очередной раз болезненно сжался. Меня снова мутило, живот скручивало от одной только мысли о том, чтобы проглотить хоть ложку этой гадости. Качка усиливалась с каждой минутой. Волны яростно бились о борта корабля, и каюта ходила ходуном, словно я находилась внутри огромного трясущегося гроба, брошенного в самый эпицентр бушующего моря. Удержать равновесие становилось практически невозможным.

– Я... я не могу, – прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает тошнотворный ком. – Меня тошнит. Я ничего не могу проглотить. Пожалуйста... – говорить было тяжело, каждое слово давалось с усилием, словно приходилось проталкивать его сквозь плотную завесу тошноты.

Торвальд нахмурил мохнатые брови, его лицо исказила гримаса крайнего раздражения.

– Это все твои глупые женские уловки. Притворяешься, чтобы вызвать жалость. Ешь, я сказал! Или хочешь, чтобы тебя насильно накормили, как скотину? – его глаза сверкну-

ли недобрым угрожающим огнем, и мне стало по-настоящему страшно.

Я робко попыталась взять миску из его рук, но руки дрожали так сильно, будто меня бил озноб. В этот роковой момент корабль вдруг сильно качнулся, словно его подхватила огромная невидимая рука морского чудовища. Меня швырнуло к стене каюты, и содержимое миски выплеснулось прямо на пол, залив грязной жижей мои босые ноги, край платья и добрую половину стены. Зловонная жидкость противно растеклась по деревянному полу, усиливая тошнотворный запах в тесной каюте, превращая ее в настоящую зловонную клоаку.

Тошнота моментально достигла своего пика, превратившись в нестерпимую пытку. Я, не в силах больше сдерживаться, склонилась, и из меня изверглось все, что еще оставалось в желудке, прямо на пол каюты, где растекалась его отвратительная похлебка. Желчь, смешанная с остатками вчерашней скудной еды, обжигала горло, словно кислота, спазмы сотрясали все тело, выворачивая его наизнанку, от слабости жутко кружилась голова, а в глазах потемнело. Я чувствовала себя совершенно разбитой, опустошенной, выпотрошенной и униженной.

Торвальд инстинктивно отшатнулся от меня как от прокаженной, его лицо исказила гримаса крайнего отвращения и омерзения.

– Мерзость! – прорычал он сквозь стиснутые зубы, словно

разъяренный зверь, рычащий на свою раненую и бесполезную добычу. — Что ж я с тобой буду делать, проклятая девка?

Я не могла говорить, лишь хрипела что-то невнятное, судорожно пытаюсь отдышаться после мучительного приступа тошноты. Мне было до ужаса стыдно, противно, я чувствовала себя грязной, униженной и совершенно сломленной. И самое главное — мне было безумно, невыносимо плохо.

Торвальд молча возвышался надо мной, словно каменная статуя, вытесанная из грубого гранита. Его лицо, искаженное гримасой презрения, на этот раз казалось задумчивым, даже растерянным. Скорее всего, он просто обдумывал, каким образом побыстрее избавиться от этой докучливой обузы в виде меня. Искорки гнева в его пронзительных глазах перемешивались с беспомощным бессилием. — Зачем, во имя Одина и всех богов, я только оставил себе эту глупую бесполезную рабыню? Надо было бросить тебя на съедение акулам во время шторма. Или отдать моим воинам на растерзание. Уже после десятого воина ты бы захлебнулась собственной кровью и молила о смерти, и твои страдания закончились бы гораздо быстрее, — выплюнул он в меня слова с такой ненавистью, словно хотел отравить каждую клеточку моего тела. Будто я была грязным насекомым, которое следовало немедленно растоптать, чтобы оно не запятнало его мир своим никчемным существованием.

Я съежилась под его гневным, прожигающим взглядом, чувствуя себя совершенно беспомощной и ничтожной, мень-

ше песчинки в этом огромном жестоком мире. Качка усиливалась с каждой минутой, мир вокруг меня качался и плыл, словно я смотрела сквозь искаженное стекло. Тошнота не отпускала, пульсируя в висках и желудке, разгоняя по венам ядовитую слабость. В голове шумело, словно бушевал яростный ветер, сознание теряло свою четкость, и я проваливалась в вязкую, липкую трясину бреда, теряя связь с реальностью.

Но, к моему величайшему удивлению, Торвальд так и не решился нанести удар. Вместо этого он тяжело, раздраженно вздохнул, словно неся на своих широких плечах непосильную ношу, и опять начал ворчать, бормоча себе под нос проклятия и ругательства.

– Нет от тебя никакой пользы, одна только грязь, рвота и нескончаемое отвращение к самой жизни.

Потом еще какая-то бессвязная брань...

Он скрестил свои огромные мускулистые руки на груди и, недобро прищурившись, посмотрел на меня сверху вниз, словно оценивая товар на рынке.

– Ах-ха! Знал бы я, глупец, как я пожалею, что не избавился от тебя сразу, мерзкая ты девка. Лучше бы я утопил тебя в море, как слепого щенка в проруби ранней весной.

Несмотря на его гневные высказывания и очевидное отвращение, которое он ко мне испытывал, я заметила в его действиях что-то странное, что-то совершенно нелогичное, что никак не вязалось с образом жестокого викинга. Он снова тяжело вздохнул, открыл свой старый, обитый железом

сундук, вытащил оттуда выдавшую виды, застиранную тряпку, пахнущую сыростью и рыбой, и принялся молча вытирать с пола грязь и остатки моей рвоты. При этом он продолжал что-то бормотать себе под нос о всеобщей бесхозяйственности и никчемности рабов, которые, по его мнению, не способны даже на то, чтобы умереть достойно. Я продолжала безучастно сидеть, сжавшись в углу, не смея пошевелиться и даже свободно дышать, боясь спровоцировать новую, еще более ужасную вспышку его ярости.

Закончив с уборкой, он подошел ко мне и, грубо, бесцеремонно схватив за плечо, поднял на ноги, словно я была не живым человеком, а тряпичной куклой, которую можно швырять как угодно.

– Встань! Нечего валяться здесь, какдохлая рыба, выброшенная на берег штормом, – рыкнул он.

Затем, не говоря больше ни слова, подвел меня к шаткой койке, едва не сломав мое хрупкое тело, и со злостью усадил на нее. После чего, к моему полнейшему удивлению и недоумению, внезапно молча вышел из каюты, хлопнув дверью так громко, что со старых стен посыпалась труха.

Через некоторое время он вернулся, держа в своих огромных руках чистую, на мой взгляд, тряпку и небольшую глиняную чашку с мутной, но все же водой.

– Умойся, – буркнул он, не глядя в мою сторону, протягивая мне тряпку и чашку. – Не хватало еще, чтобы ты тут какую-нибудь заразу разнесла на всем корабле. Больные ра-

бы нам не нужны.

Я, не поднимая глаз, послушно взяла тряпку и начала осторожно вытирать лицо, словно боялась прикоснуться к себе. Старалась не смотреть Торвальду в глаза, чтобы не увидеть в них ничего такого, что могло бы сломить мою волю к жизни. Его поведение было совершенно нелогичным, противоречивым и потому еще более пугающим, чем открытая агрессия. Он только что ругал меня, угрожал страшной смертью, но при всем при этом... заботился обо мне, словно о больной скотине? Он убрал за мной, принес чистую воду. Это совершенно не укладывалось у меня в голове, казалось невозможным.

Эта вынужденная "забота" точно не была проявлением доброты душевной и сочувствия к моей горькой участи, скорее это был сухой голос чувства долга или банальной необходимости. Торвальд был словно дикий зверь, загнанный в ловушку обстоятельствами. Ему было противно возиться со мной, с моей слабостью, с моей человечностью, но он почему-то чувствовал какую-то странную, совершенно непонятную ответственность, какую-то... необходимость во мне? Может, я была для него трофеем, доказательством его силы и удачи, который он не мог себе позволить потерять? Кто знает. Или, может быть, это были всего лишь жалкие, еле заметные остатки человечности, чудом сохранившиеся на самом дне его жестокой, израненной души? Я не знала ответа, и это незнание пугало меня еще больше, чем его гнев и от-

крытые угрозы.

Пока я осторожно умывалась, следя за каждым его движением, он молча стоял в углу и не сводил с меня своего тяжелого, изучающего взгляда с непроницаемым выражением лица. Меня сильно бил озноб. Я ощущала себя будто кролик, которого, затаившись, изучал матерый голодный волк, прикидывая с холодной расчетливостью, стоит ли его растерзать прямо сейчас или же можно еще немного поиграть с ним, прежде чем утолить свой зверский голод. Качка не стихала, и вместе с тошнотой накатывала удушающая слабость, от которой темнело в глазах. Мир вокруг словно расплывался, теряя свои очертания от нестерпимой боли, и в затуманенном сознании начали всплывать отрывочные воспоминания о прошлой счастливой, беззаботной жизни, словно яркие, пестрые лоскутки из давно забытого сундука.

...Я стою на перроне маленькой захолустной станции, затерянной среди величественных, поросших лесом гор Северного Кавказа. Солнце нещадно слепит глаза, а воздух пропитан густым ароматом нагретой солнцем травы, душистых полевых цветов и дыма от далеких костров. Я только что приехала, наконец-то дождалась каникул и вернулась в свой родной дом, по которому безумно соскучилась. Рюкзак за плечами кажется неподъемным, но я ни за что на свете не отдам его носильщику. Хочется самой, своими ногами протоптать тропинку к родному дому, вдохнуть полной грудью этот пьянящий воздух свободы, которым невозможно нады-

шаться.

– Алана! Дочка! – радостный крик отца разрывает звенящую тишину. Он бежит ко мне навстречу, широко раскинув сильные руки. Я бросаюсь к нему, утопая в его крепких объятиях, и на мгновение снова чувствую себя маленькой беззаботной девочкой, которую всегда защитят от всех бед и невзгод.

Дом встречает меня теплым запахом свежей выпечки, терпким, ни с чем не сравнимым ароматом душистых горных трав, развешанных для сушки под самым потолком. Мама, как всегда, хлопочет на кухне, напевая тихую грустную мелодию, которую я помню с самого детства.

– Как учеба, дочка? Все ли у тебя хорошо? Не голодаешь там? – спрашивает она, с тревогой и нежностью оглядывая меня своими добрыми глазами. Я улыбаюсь ей в ответ и говорю, что все просто замечательно, хотя на самом деле в глубине души немного одиноко и тоскливо. Уже скучала по оставленным позади книгам, лекциям и шумным друзьям. Но сейчас это неважно. Сейчас главное – быть дома, в кругу семьи, среди родных, чувствовать их тепло, нежную заботу и безграничную любовь.

Вечером, после сытного ужина, отец приглашает меня в свой кабинет, заполненный книгами и старинными реликвиями, напоминающими о прошлом нашей семьи. Он садится напротив меня, внимательно всматривается в мои усталые глаза своими мудрыми, пронизательными очами и нежн-

данно начинает говорить о... замужестве.

– Алана, дочка, ты уже совсем взрослая, пора думать о будущем. Мы с мамой решили, что тебе давно пора подумать о создании собственной семьи.

Я замираю, пораженная его словами, не веря своим собственным ушам. Замужество? Сейчас? Я?

Какая может быть семья, когда впереди еще столько неизведанных страниц истории, столько увлекательных археологических раскопок, столько неизученных древних цивилизаций, столько долгих, но таких интересных лет учебы?

– Отец, я же учусь. Я мечтаю стать историком, путешествовать по миру, делать научные открытия. Я ни в коем случае не хочу сейчас выходить замуж.

Но отец оставался непреклонен, словно неприступная скала. Он коротко и четко говорил, что они уже обо всем договорились, все решено и разговор окончен. Что жених – достойный молодой человек из хорошей, уважаемой семьи. Что в конце лета, сразу после окончания сбора урожая, назначена свадебная церемония. И что после свадьбы я навсегда останусь здесь, в родном селе, верной и послушной женой и заботливой матерью. Должна буду забыть о своих дерзких мечтах, о своей любимой учебе, о своей свободе и о той жизни, которую я так старательно строила последние годы. – Ты больше не вернешься в свой институт с его научными бреднями и грезами, – холодно, как никогда ранее, произнес отец.

Мой мир рухнул в одно мгновение, погребая под своими обломками все мои планы, все мои несбывшиеся мечты, все мои наивные надежды на счастливое будущее.

Я помню захлестнувшие меня тогда гнев, отчаяние, безысходность, ярость, которые затопили меня с головой, не давая дышать. Я помню, как кричала, плакала, умоляла, становилась на колени. Как пыталась убедить любимого отца, что они совершают страшную ошибку, что безжалостно ломают мою жизнь, превращая ее в жалкое существование. Но он оставался глух к моим горячим мольбам, непреклонным как скала. Его решение было окончательно принято, и никто не собирался ничего менять. В конце этого злополучного лета я внезапно должна была стать чужой женой, отданной человеку, которого я даже не знала и, конечно же, никогда не смогла бы полюбить всем сердцем. И я прекрасно понимала, что это неминуемый конец моей нынешней жизни. Полный и безоговорочный конец той истории, которую я старалась так тщательно написать сама, своим собственным почерком. Конец той Аланы, которой я так долго и настойчиво пыталась стать.

...Вспышка острой нестерпимой боли в животе мгновенно вырвала меня из плена сладких воспоминаний и болезненных размышлений. Качка стала совершенно невыносимой, старая каюта бешено кружилась вокруг меня, словно огромный волчок, и я отчетливо почувствовала, как медленно, но верно теряю сознание от слабости и боли. То-

рвальд встревоженно наклонился надо мной, хмуря свои густые брови. И в его суровых, холодных глазах я вдруг увидел что-то странное, теплое, неуловимое, что-то похожее на... неподдельное беспокойство обо мне? Неужели это возможно?

Торвальд.

Меня колотило как в лихорадке. Ярость бурлила во мне, как брага, перебродившая сверх меры, готовая разнести бочку в щепки.

Алана... одно ее имя царапало язык, словно заржавленный кинжал. Она была как заноза — маленькая, рыжеволосая, но впилась глубоко и теперь гноила мою душу, медленно отравляя все вокруг. Видеть ее было мучительно: бледная, хрупкая, вечно дрожащая, словно последний осенний лист, отчаянно цепляющийся за ветку перед неминуемым падением. Но что-то чудовищное отвлекало меня, что-то не позволяло мне просто выбросить ее за борт, не давало прекратить этот фарс, этот кошмар, обрубив все одним ударом топора.

Я проклинал себя, как только мог, поминая всеми богами тот злополучный момент, когда меня посетила... жалость? Омерзительно.

С того момента как я принял решение забрать ее с собой. Дурак. Слабак. Жалость — худшая из болезней, я всегда это знал. Но в глубине меня, в той самой бездне, которую я тщательно скрывал от всех и даже от самого себя, зрело нечто странное, чуждое мне, как свет тьме. Я видел, как она съежи-

вається под гнетом моих слов, как в ее глазах гаснет последний уголек надежды, уступая место безотчетному животному страху. И... черт возьми, я хотел ее защитить. Защитить от чего угодно, даже от себя самого. От моего скверного нрава, от моей грубости, от той тьмы, что клубится у меня внутри.

Какой бред! Торвальд, викинг, воин, чьи руки по локоть в крови, привыкший к хрусту костей, теперь нянчится с какой-то сопливой девчонкой, словно безумная старуха, трясущаяся над последней курицей. Ненавижу ее за то, что она пробуждает во мне все эти отвратительные чувства. Ненавижу себя за то, что не могу их подавить, раздавить, словно мерзкого жука.

Поэтому я и рычу на нее, как привязанный к конуре пес. Поэтому стараюсь быть грубым и резким, как можно более жестоким. Пусть лучше боится, пусть видит во мне лишь угрозу, чем заметит ту слабость, ту уязвимость, которую я и сам боюсь в себе признать.

Стоял в углу, скрестив руки на груди, наблюдая, как она неуклюже вытирает лицо тряпкой, смоченной в холодной воде. Движения осторожные, словно боится сломаться, рассыпаться в прах от одного прикосновения. Иссошенная и худая до невозможности, кожа обтягивает кости. "Покормить ее, что ли?" – мелькнуло в голове, и тут же я с отвращением отбросил эту мысль. Бред! Зачем тратить драгоценную провизию на бесправную рабыню, неспособную ни на что полез-

ное? Но слова зависли в воздухе, словно проклятие, вызывая неприятное жжение в животе и непонятное чувство вины. Девушка то ли уснула, то ли сознание потеряла, а я продолжал сверлить ее взглядом.

Внезапно Алана забормотала что-то во сне, произнося слова едва слышным шепотом, словно боялась нарушить тишину ночи. Имя... мужское имя, незнакомое, чужое. Какое-то невнятное: "Давид... пожалуйста... не надо..."

Волна обжигающей ярости накрыла меня с головой, затопила сознание, не оставив места для разума. Кто такой этот Давид? Чтоб ему подавиться мерзкой жижей! Что он сделал с ней? Что она пережила, раз даже во сне молила о пощаде? В ту же секунду я готов был броситься на берег и разорвать в клочья любого, кто когда-либо прикоснулся к ней. В прошлом. Кто причинил ей хоть каплю боли. Моим пальцам нестерпимо захотелось сжать чью-то глотку и выдавить из нее жизнь.

Молот Тора мне в бороду, что это такое?! Откуда взялась эта неконтролируемая животная ярость? Я ведь должен был радоваться, что у нее есть кто-то, кто ее ждет. Что она не сломлена до конца, что в ее сердце теплится надежда. Но вместо этого меня разрывало от злости, дикой, слепой, пожирающей изнутри.

А потом до меня дошло, словно ледяная вода окатила с головы до ног... Ревность. Это была она, проклятая, грязная, болезненная, режущая, как ржавый нож, вонзившийся

прямо в сердце. Я, Торвальд, непобедимый викинг, воин, не знавший поражений, ревновал рабыню... рабыню!.. к какому-то призраку давно ушедших дней. К тени мужчины, которого я никогда не видел и, скорее всего, никогда не увижу.

И тут же вся та ярость, что еще секунду назад была направлена вовне, обратилась против нее и против меня самого. На нее – за то, что она, возможно, принадлежит кому-то другому, за то, что в ее сердце нет места для меня. На себя – за то, что позволил себе вообще почувствовать что-то к этой жалкой пленнице. За то, что допустил слабость, которую я презирал в других.

Распахнув дверь каюты с такой силой, что казалось, корабль содрогнулся, я выскочил наружу. Холодный морской ветер обжег лицо, словно пощечина. Мне нужно было немедленно напиться. Оглушить себя алкоголем, залить им нахлынувшие чувства, утопить их в бездне пьяного забытья. Забыть ее бледное лицо, ее испуганные глаза, ее тихий умоляющий шепот о каком-то Давиде. Забыть, что я чувствую к ней что-то, кроме раздражения и злобы. Забыть, что готов порвать голыми руками любого, кто обижал ее в прошлом. Забыть, что я... ревную. Забыть, что я позволяю себе тонуть в болоте чувств, которые мне чужды и отвратительны. Забыть все это... пока оно не поглотило меня целиком.

Глава 3.

В себя я пришла от резкого толчка в плечо. С трудом приоткрыв слипшиеся от слез веки, я увидела перед собой огромного бородатого викинга с перекошенным от отвращения лицом. Он тыкал в меня толстым пальцем, словно в кучу грязи.

— Вставай, вонючая девка, — прорычал он, сплевывая на пол вязкую слюну. — Хватит валяться, какдохлая свинья. За тобой здесь прибирать никто не будет. Торвальд приказал, чтобы ты все убрала. И чтобы к его приходу здесь блестело, как у конунга в чертогах.

Я ошарашенно уставилась на него, пытаюсь понять, в чем дело. Прибраться? Здесь? Неужели он действительно этого ждет от меня? Неужели он думает, что я брошусь убирать?

Но, взглянув в злобные, ненавидящие глаза викинга, я поняла, что спорить бесполезно. Ему только дай повод, и я крупно пожалею о том, что на свет родилась и попала в этот ужасный мир.

Он будет рад возможности выместить на мне свою злобу и презрение. А если я откажусь, то он, скорее всего, просто избьет меня до полусмерти или еще чем похуже развлечется.

С трудом поднимаясь на ноги, испытывая острую боль в каждой мышце, я почувствовала новую волну тошноты, под-

катывающую к горлу. Но на этот раз я сдержалась. Я не позволю себе снова опозориться перед этими варварами. Я соберу всю свою волю в кулак и выполню этот унижительный приказ.

— Что... что мне нужно делать? — прошептала я, стараюсь сохранить хоть какое-то подобие достоинства.

— Что нужно делать? — передразнил меня викинг, противно ухмыляясь. — А ты сама не видишь, свинья ты немытая? Всю эту блевотину отсюда выдраить. Пол вылизать до блеска, — тут он понимающе хмыкнул, окинув взглядом внутренности каюты. — Ах да, и горшок тоже, уж раз такое дело.

С этими словами он грубо швырнул мне под ноги тряпку и деревянное ведро с водой и, презрительно фыркнув, вышел из каюты, оставив меня наедине с горькой участью.

Я опустилась на колени и, сглотнув подступивший к горлу ком, принялась за работу. Вода в ведре была ледяной и грязной, тряпка воняла плесенью и рыбой, но я, не обращая внимания на отвращение, начала методично вытирать с пола следы своей тошноты. Я терла яростно, отчаянно, вкладывая в каждое движение свою ненависть и злобу.

Работа была тяжелой и унижительной, но я не сдавалась. Я знала, что если не выполню приказ Торвальда, то будет еще хуже. И еще, возможно, это покажется странным, но монотонная работа меня успокоила. И физическая усталость вытеснила душевную, что было, согласитесь, некоторым облег-

чением.

Когда я, наконец, закончила, в каюте было чисто, насколько это вообще возможно в этом проклятом месте. От меня пахло потом и грязью, но хоть всё было на своих местах и как бы даже прибрано. Я валилась с ног от усталости, но чувствовала какое-то странное удовлетворение.

Я оперлась на холодную шершавую стену каюты, стараясь унять дрожь, бившую ознобом. Тело ныло от усталости, каждый мускул протестовал против насилия, которому я подвергла их, отмывая эту мерзкую каюту. Руки теперь стали красными и опухли от холодной воды. Но в каюте действительно стало чище. Не сияло, конечно, да и уж точно не благоухало лавандой – тут все еще отчетливо пахло плесенью, рыбой и вьевшимся запахом моря, но, по крайней мере, больше не смердело блевотиной, от одного вида которой меня снова начинало мутить. С какой-то мрачной, извращенной гордостью я осмотрела результаты своего каторжного труда. Что ж, я сделала все, что могла в этих жутких условиях.

Внезапно дверь распахнулась с такой силой, что ударилась о стену, и в каюту вошел Торвальд. Его широкие плечи заполнили собой почти весь дверной проем, отчего небольшая каюта казалась еще меньше и теснее. Он окинул помещение быстрым взглядом профессионального воина, привыкшего оценивать обстановку. И я отчетливо увидела, как его густые брови удивленно поползли вверх. Он явно не ожидал уви-

деть здесь такую чистоту, а уж тем более увидеть меня, стоящую на ногах, а не валяющуюся в беспамятстве.

Он повернулся ко мне, и наши взгляды встретились. Его глаза были холодными и непроницаемыми, словно два осколка льда. Но на этот раз в их глубине мелькнуло что-то еще – мимолетное, почти неуловимое изумление. Я не отвернулась. Я зло сверкнула глазами, намеренно демонстрируя всю свою ненависть, всю свою ярость, всю свою нестигаемую гордость. Пусть видит, пусть знает, что ему не удалось меня сломить. Пусть даже внутри я дрожу от страха и отчаяния.

– Что это здесь такое? – прорычал он, указывая широкой, загрубевшей от постоянного хвата оружия рукой на вымытые доски пола. В его голосе звучало нескрываемое удивление, смешанное с подозрением. – Кто приказал тебе убираться?

Я усмехнулась, стараясь придать своему лицу выражение презрения.

– Твой верный пес, видимо, захотел выслужиться перед хозяином. Или просто решил поиздеваться надо мной, воспользовавшись твоим именем. Сказал, ты приказал.

В глазах Торвальда промелькнула тень смятения, словно черная туча заслонила на мгновение ледяное солнце.

– Я не отдавал такого приказа, – сказал он нахмурившись. Он явно был озадачен этим фактом. – Никому...

– Да неужели? – съязвила я, не в силах сдержать ядовитый сарказм. – Вот ведь неожиданность. Наверное, мне это

приснилось. Или я сама себе это выдумала, от скуки решила поползать по грязному полу.

Я не стала скрывать сарказма в своем голосе. Я больше не боялась его так, как боялась раньше. Я была слишком зла, слишком истощена, слишком унижена, чтобы позволить страху парализовать меня. В конце концов, что он может сделать? Убить? После всего что я пережила, смерть казалась почти избавлением.

Торвальд молча смотрел на меня несколько долгих мгновений. Его взгляд был изучающим, пронзительным, словно он пытался прочесть мои мысли, увидеть меня насквозь. Я чувствовала, как его пристальный взор обжигает меня, проникает в самые сокровенные уголки моей души. Затем он резко развернулся на пятках и стремительно вышел из каюты, не сказав больше ни слова. Его внезапный уход оставил после себя густую тишину, нарушаемую лишь скрипом корабельных досок и плеском волн за бортом.

Я осталась стоять на месте, чувствуя себя совершенно растерянной. Не понимая, что это сейчас было. Что это за перемена в его поведении? Зачем он так пристально смотрел на меня? Почему он не заорал, не унизил? Разве это возможно?

Время тянулось мучительно медленно. Секунды превращались в минуты, минуты – в вечность. Я все еще стояла, прислонившись к стене, и ждала, не зная, чего ожидать.

Наконец за стеной послышались шаги, твердые и уверенные, как поступь хищника. Дверь снова открылась, и То-

рвальд вернулся. В руках он держал глиняный кувшин с водой, обернутый влажной тряпкой, и деревянную миску с какой-то дымящейся похлебкой, от которой исходил терпкий незнакомый запах.

– Вот, – сказал он, опуская все это на пол с неожиданной осторожностью. – Умойся. Хоть немного ополоснись. И поешь.

Я опешила, словно меня окатили ледяной водой. Что это за забота такая? С чего вдруг? Неужели мне все это снится?

– И еще... – он залез рукой за широкий кожаный пояс, перетянувший его тунику, и вытащил небольшой кожаный мешочек, затянутый шнурком. Не глядя на меня, он протянул его в мою сторону. – Здесь порошок из трав. Выпей его. После него тебя не будет тошнить от качки. Нам еще долго плыть, долог будет путь, и мне не нужны проблемы с больной рабыней.

Он замолчал, отводя взгляд в сторону и словно ожидая моей реакции. Его лицо оставалось непроницаемым, но я заметила легкое напряжение в его плечах. А я стояла и смотрела на него как на привидение, внезапно материализовавшееся передо мной. Я все еще не понимала, что происходит. Это какой-то сложный и замысловатый розыгрыш? Какая-то новая, еще более изощренная пытка, замаскированная под заботу?

– Зачем ты это делаешь? – наконец спросила я, стараясь сохранить спокойный тон, хотя внутри меня бушевал ураган

противоречивых чувств. — Зачем ты заботаешься обо мне?

Торвальд пожал своими мощными, словно выточенными из камня плечами, будто мой вопрос был глупым и бессмысленным.

— Не хочу, чтобы ты сдохла раньше времени, — буркнул он, избегая смотреть мне в глаза. — Мне нужна здоровая и работоспособная рабыня, а не бесполезный гниющий труп. А трупы нынче, сама знаешь, не в цене.

Он сказал это грубо, цинично и бесцеремонно, но я, к своему удивлению, все равно почувствовала какое-то странное облегчение. Все же, какой бы грубый и жестокий зверь передо мной ни стоял, он пока что не собирался меня убивать. И, похоже, я буду жить. Пока что...

— Лучше бы умерла, — пробормотала я себе под нос, отворачиваясь. Но достаточно тихо, чтобы зверь в облиии викинга не услышал мои слова. Или сделал вид, что не услышал.

Торвальд хмыкнул презрительно и, не сказав больше ни слова, снова, как и в прошлый раз, стремительно покинул каюту, оставив меня наедине со своими сумбурными мыслями и этой совершенно неожиданной, нежданной заботой. Словно мне подали глоток чистой воды в самой середине раскаленной пустыни.

Я с недоверием посмотрела на глиняный кувшин с водой, на грубую тряпку, на дымящуюся миску с похлебкой, на маленький кожаный мешочек с целебными травами. Что все

это значит? Он пытается загладить свою вину, как-то искупить свои ошибки, которые явно начал осознавать? Или просто играет со мной, как кошка с беспомощной мышкой, сначала давая надежду, а потом с еще большей жестокостью отбирая ее?

Торвальд

Я вышел из каюты, оставив ее одну. Забота? Чушь собачья. Пусть благодарит за то, что я ей дал. Просто не хочу, чтобы сдохла. Работать-то кто будет? Раб должен быть в состоянии хотя бы ведро дерьма вынести, не падая в обморок.

Но, признаться, девка удивила. Думал, неделю проваливается в бреду, заливая все вокруг своей блевотиной. А она словно кошка вылизалась. И взгляд этот... Не сломлена. Ранена, измучена, но не сломлена. Злая как кракен. Готова вцепиться в глотку любому, кто приблизится. Даже мне.

На палубе меня уже ждал Ярил, мой верный пес, моя правая рука. Или так я всегда думал. Его ухмылка едва заметна, но я видел ее. Чувствовал кожей. Змея подколотная.

– Что с девкой, Торвальд? – спросил Ярил, делая вид, что его волнует только сохранность моей добычи.

– Жива, – ответил коротко. – И даже убралась в каюте.

Ярил давится смешком, который он пытается скрыть под кашлем.

– Какая послушная рабыня, да, Торвальд? – сказал он ехидно, глядя мне прямо в глаза. – Но Торвальд милостив. Торвальд дает девке шанс.

Я сжал кулаки. Ярил играл с огнем. Он прекрасно знал, что я ненавижу, когда кто-то пытался плести интриги за моей спиной. Особенно, когда это касалось моего авторитета.

– Кто отдал приказ убирать? – спросил, стараясь говорить спокойно, хотя внутри все кипело от ярости.

– Один из твоих людей, Торвальд, – осторожно ответил Ярил. – Хотел угодить вождю.

Вранье. Наглейшая ложь. Никто из моей команды не посмел бы отдать такой приказ без моего ведома. Никто, кроме Ярила.

Зачем? Зачем он это сделал? Хотел унижить девку, чтобы она ополчилась на меня? Хотел спровоцировать меня на гнев, чтобы я совершил ошибку и дал ему шанс оспорить мое лидерство? Или просто... просто хотел досадить, показать, что он, Ярил, тоже имеет власть на этом корабле? Какие мотивы им двигали, я не знал. Но одно я знал точно: Ярил играл в опасную игру. И я не намерен был ему это спускать. Но пока я должен ждать. Мне нужно было время, чтобы понять его мотивы. Мне нужно было время, чтобы обдумать, как лучше поступить.

Если накажу его слишком жестоко, команда может взбунтоваться. Ярил популярен среди воинов. Они уважали его силу и его умение сражаться. Если я поступлю слишком мягко, он решит, что я слаб и он может делать все, что захочет.

Один бы побрал этого Ярила! Он поставил меня в трудное положение.

Я отвернулся от него и посмотрел на горизонт. Море было спокойным, солнце светило ярко, но на сердце у меня было беспокойно. Я чувствовал, как надвигается буря. Не только на море, но и среди моей собственной команды.

Я должен быть осторожен, должен быть сильным, должен быть непреклонным. И я должен выяснить, что задумал Ярил.

Решил вернуться в каюту. Нужно было побыть рядом с девкой. Пусть она и рабыня, но она была ключом. Ключом к пониманию интриг Ярила. Ключ к сохранению моей власти. И ключ, возможно, к чему-то еще. Но чему конкретно, я пока что не понимал.

Пока я не выяснил, что задумал Ярил, я ни на шаг не должен отходить от этой девки. Нужно держать ее под присмотром. Как можно реже оставлять ее одну. В этом проклятом плавании даже крыса может оказаться врагом.

Весь вечер Торвальд вел себя, мягко говоря, странно. Он и до этого, конечно, не особо отличался предсказуемостью, скорее напоминая дикого зверя, чьи поступки руководствуются инстинктами, а не логикой. Но сейчас в его действиях и вовсе не прослеживалось ни малейшего смысла. Он вернулся в каюту ближе к вечеру, словно ничего не произошло, с видом хозяина, вернувшегося домой после тяжелого дня, и принес ужин. Опять эта отвратительная похлебка, пахнущая гнилой рыбой и дешевым элем. Та же самая, что и днем. Но на этот раз он не просто швырнул миску на пол, как ку-

сок кости голодной собаке, а поставил ее рядом со мной, на небольшом расстоянии от своей миски, как будто мы собираемся вместе разделить трапезу.

Он даже поел вместе со мной, молча, сосредоточенно, избегая смотреть в мою сторону. Словно я была не живым человеком, а предметом интерьера, не заслуживающим его внимания. Что это было? Признак внезапного раскаяния, мелькнувшая искра совести в его черной душе? Или просто холодный расчет, попытка манипуляции, призванная сломить мою волю и заставить покориться? Я не могла понять и чувствовала себя, словно меня бросили в бурный поток, не зная, куда он меня вынесет.

После скудного ужина Торвальд занялся своими вещами, будто я перестала существовать. Он достал свой топор, огромный, двуручный, внушающий ужас одним своим видом, и принялся точить лезвие о грубый камень с такой яростной сосредоточенностью, словно хотел стереть с него не только все зазубрины и неровности, но и все воспоминания о пролитой крови. Потом принялся за свой меч – сталь, отполированную до зеркального блеска, от которой так и веяло смертью. Он протирал его тряпкой, смазывал маслом, проверял заточку. Каждое его движение было выверено и отточено до автоматизма, каждое действие говорило о его воинской выправке, о многолетнем опыте убийцы. Он не обращал на меня ни малейшего внимания, но я, если честно, не особо-то и расстроилась.

Когда пришла пора спать, он коротко кивнул в сторону его постели – единственного более-менее пригодного для сна места в этой проклятой каюте. В его тяжелом, немигающем взгляде не было ни намека на ласку, на просьбу, только холодный приказ, не терпящий возражений.

– Ложись, – буркнул он, не отрывая взгляда от своего меча, словно разговаривал не со мной, а с куском железа.

Мое оскорбленное достоинство взбунтовалось. Я дерзко вскинула подбородок, стараясь скрыть дрожь страха, пробивающего до самых костей.

– Не дождешься, варвар, – прошипела я, вкладывая в этот короткий ответ всю свою ненависть.

Торвальд громко расхохотался. Его смех, грубый и раскатистый, словно рык дикого зверя, содрогнул стены тесной каюты, заставляя меня вздрогнуть.

– Ты сама приползешь ко мне ночью, как побитая собака, когда замерзнешь, – сказал он усмехаясь. В его глазах плясали злобные огоньки. – Здесь, знаешь ли, не так уж тепло. А такая нежная девка, как ты, замерзнет за эту ночь до смерти.

Я стиснула зубы до боли в челюстях. Ни за что на свете! Ни за что на свете я не приползу к этому варвару греться. Лучше замерзну до смерти, превращусь в ледышку, но не сдамся ему, не покажу свою слабость.

– Не дождешься, – повторила я, сжимая кулаки до побелевших костяшек. – Я скорее умру от холода, чем позволю себе лечь с тобой в одну постель, изверг.

Он лишь легко пожал своими широкими плечами, словно мой протест был ничтожным и бессмысленным, и лег в свою постель, повернувшись ко мне спиной. Я осталась сидеть на тюфяке на полу, прислонившись к холодной шершавой стене. Тело болело от усталости, мышцы ныли и судорожно подергивались, но я не чувствовала усталости и сонливости. Я была слишком взвинчена, слишком полна ненависти и гнева, чтобы просто взять и заснуть.

Ночь выдалась ледяной. Морской ветер, пронизывающий и беспощадный, проникал в каюту через многочисленные щели в стенах, словно острые иглы вонзались в мою кожу. Я дрожала от холода, зуб на зуб не попадал, и казалось, что эта дрожь сотрясает все мое тело. Я куталась в свое тонкое платье, которое, казалось, совсем не защищало от холода, а лишь еще больше усиливало его. Холод пробирал до самых костей, сковывая все мое существо ледяными цепями.

Несколько раз я ловила себя на том, что украдкой смотрю в сторону постели Торвальда, пытаюсь разглядеть в темноте его лицо. Он спал как убитый, даже не шевелясь, и казалось, что мирно посапывал. Мне казалось, что я слышу, как мои зубы стучат друг о друга, и боюсь, что этот звук разбудит его и он получит удовольствие от моей слабости.

Мысль о тепле, которое он мог мне предложить, о том, чтобы на мгновение забыть об этом пронизывающем холоде и просто согреться, была невыносимо соблазнительной. Но я упорно гнала ее от себя, как назойливую муху, не желая

поддаваться слабости. Лучше умереть от холода, чем сдаться ему, сломаться под его взглядом, потерять свою гордость.

В какой-то момент я окончательно потеряла счет времени. Я уже не понимала, сколько прошло часов, сколько еще осталось до рассвета. Я просто дрожала как лист на ветру и мечтала о восходе солнца, о теплом лучике, который бы хоть немного согрел мое заledenевшее тело.

В какой-то момент я вдруг почувствовала, что кто-то меня поднял. Сильные, словно стальные, руки подхватили меня под мышки и оторвали от пола, будто я была перышком. Я вздрогнула, открыла глаза и увидела над собой лицо Торвальда, искаженное полумраком каюты. Он смотрел на меня сверху вниз с каким-то странным, непонятным выражением в глазах. В его тяжелом, пронизывающем взгляде не было ни злорадства, ни насмешки, только... что-то отдаленно похожее на жалость или даже... беспокойство?

– Что ты делаешь? – прошипела я, стараясь высвободиться из его крепких объятий, но его руки держали меня мертвой хваткой. – Отпусти меня, варвар.

Он проигнорировал мой вопрос и, не говоря ни слова, понес меня к своей постели, словно я была куклой.

– Если ты рассчитываешь на близость, то тебе придется меня насиловать, – выплюнула я ему в лицо последние слова протеста, когда он опустил меня на постель. Мой голос дрожал, но я старалась говорить как можно тверже. – Я не сдамся без боя, я буду сопротивляться до последнего.

Торвальд усмехнулся, и от его низкого, приглушенного смеха по моей спине пробежали мурашки.

– Дура, – сказал он, качая головой и не выпуская меня из рук. – Я никогда ни одну девку не насиловал. Они сами на меня вешались, как пьяные осы на мед. Зачем мне ломать то, что можно получить добровольно?

Он взял с сундука свой огромный грубый плащ из толстой шерсти, пропахший морем и дымом костра, и накрыл меня им полностью, таким теплым и шершавым, что мне на мгновение показалось, будто я попала в рай. Затем он повернулся ко мне спиной, давая понять, что не собирается причинять мне вред.

– Спи уже. Замёрзла совсем. Заболеешь, – произнес еле слышно Торвальд, а я изумленно захлопала глазами. Он назвал меня по имени. Но мало того, мне показалось, что я услышала в его словах заботу.

Глава 4.

Меня выдернуло из очередного кошмарного сна резким рывком, словно чья-то невидимая рука вырвала из цепких объятий бреда, где в бессмысленной пляске смешались алые реки крови, языки яростного пламени и сосущий под ложечкой ледяной страх. Веки дрожали, отказываясь повиноваться, но я заставила себя открыть глаза. Зрение плыло как в тумане, но постепенно я смогла различить очертания. И осознать, что я лежу на чем-то... мягком. Не на жестком тюфяке, набитом соломой, коим славилась каюта викинга, а на чем-то податливом и принимающим форму моего тела. Более того, меня окружало тепло. Не то зыбкое тепло, к которому я привыкла на этом промозглом корабле, а обволакивающее, почти обжигающее. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Сердце забилося быстрее, из-за чего в ушах застучало от прилива крови к голове. Медленно, с осторожностью раненого зверя, я повернула голову и застыла.

Подо мной лежал Торвальд. Да твою ж матушку... Я не просто на нем лежала, а практически возвышалась на нем над кроватью, потому как я забралась почти на самую вершину этого огромного грубого тела, словно отчаянный альпинист, покоряющий неприступную вершину. Мое лицо находилось в опасной, неприличной близости от его... широко-

кой груди, густо поросшей темными волосами. А мои ноги, судя по всему, покоились на его... животе. И я просто молилась, чтобы они нечаянно не задели ничего, что было расположено пониже.

Холодный ужас охватил меня. Я что, всю ночь провела на нем?

В панике, будто от прикосновения к раскаленной лаве, я попыталась откатиться в сторону, силясь сползти с этого живого пьедестала, словно трусливый дезертир, покидающий поле боя. Но едва я двинулась, как сильная, но при этом неожиданно нежная рука, схватила меня за... задницу. Не просто схватила, а сжала, будто оценивая качество товара, нежно и властно помяла. Жар ударил в лицо, а по коже пробежала целая армия мурашек, оставив за собой дорожку огня. К горлу подступила тошнота. Осознание прокатилось волной цунами, сметая остатки сна: Торвальд же голый. Абсолютно. И это означало... Это означало, что я спала вся ночь на голом мужике. Вот что это означало, а сейчас он наминает мне зад. Во сне ли?

Я замерла, как кролик, увидевший блеск золотых глаз удава, не зная, что делать, как реагировать. Осознанно ли он это сделал? Или же это было просто подсознательное движение во сне, безотчетный порыв заплутавшего в темноте разума? Мозг отказывался работать в штатном режиме, выдавая бессвязные обрывки мыслей и догадок.

Осторожно, как сапер, обезвреживающий бомбу, я пред-

приняла еще одну попытку освободиться из этого постыдного плена. Но стоило мне сдвинуться хоть на миллиметр, как корабль предательски качнуло, будто решив внести свою лепту в эту и без того выбивающую из колеи ситуацию. От неожиданности я потеряла равновесие и, чтобы не рухнуть на пол автоматически, повинувшись слепому инстинкту самосохранения, оперлась рукой о... что-то твердое. Очень твердое. И, что самое ужасное, находящееся прямо между ног Торвальда.

О боги... Я пропала.

Он был возбужден. И в этом не оставалось никаких сомнений. Холодная дрожь пронзила все тело.

Резкий, сдавленный выдох, словно выпущенный из лопнувшего воздушного шара, невольно сорвался с моих губ. Торвальд дернулся во сне, как от сильного удара, и я застыла статуей, боясь пошевелиться, боясь нарушить ту хрупкую грань, что отделяла меня от неминуемой катастрофы. Секунда тянулась вечностью, превратившись в долгую и мучительную пытку.

– Ну вот ты и приползла ко мне, – прозвучал хриплый, утробный, словно вырвавшийся из самой преисподней, сонный голос мне на ухо. В нем чувствовалась усталость, но вместе с тем и едва уловимая насмешка. – Неужели захотела немного любви и ласки?

Он проснулся. Или искусно изображал пробуждение, давая мне шанс оправдаться, сохранить хоть какое-то подобие

достоинства в этой унижительной ситуации.

Я отдернула руку, как от раскаленного куска металла, оставившего на коже болезненный ожог, и вскочила на ноги, подальше от этого искусительного ложа. Чувствовала, как краска стыда волной заливает мое лицо, обжигая щеки и шею.

— И в мыслях не было, — фыркнула я, стараясь говорить как можно более уверенно и надменно, чтобы скрыть охвативший меня ужас и смятение. — Просто... корабль качнуло.

Мужчина нахмурился, будто не понимая, о чем я говорю, и, не говоря ни слова, резко встал с постели, демонстрируя безупречную ловкость и силу, которая всегда меня восхищала и пугала одновременно, а еще свой совершенно голый зад. Так и есть, он был абсолютно голый. Его взгляд скользнул по каюте, словно бы он пытался что-то понять или почувствовать. Судя по выражению его озабоченного лица, он отчетливо осознавал: ничего хорошего не происходит. Это было видно по той напряженности, с которой он оценивал ситуацию. Натянув штаны, варвар вышел из каюты, а я облегченно вздохнула.

Прошло несколько тревожных минут в тягостной тишине, нарушаемой лишь скрипом дерева, стонущего под напором ветра, и мерным плеском волн за бортом. Наконец Торвальд вернулся в каюту. Его фигура даже в полумраке казалась еще более внушительной и устрашающей, а лицо было мрачнее тучи, готовой разразиться яростным штормом.

– Собирайся, – коротко бросил он, словно отдавая приказ.

– Куда? – удивилась. Мне казалось, что нам значительно дольше нужно плыть.

– Останавливаемся, чтобы пополнить запасы воды, – ответил он, избегая смотреть мне в глаза. Каким-то внутренним чутьем я поняла, что это не вся правда.

Что-то было не так. Я чувствовала это всем своим существом, каждой клеточкой тела. Торвальд был чем-то явно очень недоволен, что-то его гложет, отравляя его душу ядом подозрения и гнева. И дело было не во мне или, вернее, не только во мне. Я стала лишь последней каплей, переполнившей чашу его терпения.

Когда он узнал об остановке? Ведь буквально вчера вечером он ни словом об этом не обмолвился. Значит, решение было принято без его ведома кем-то из его ближайшего окружения, кем-то из команды. Кем-то, кто считал себя достаточно сильным, чтобы игнорировать его волю.

Кем-то, кто пытался подорвать его авторитет, посеять семена раздора и сомнения среди его воинов. Кем-то, кто отдавал приказы, минуя вождя, словно сам возомнил себя правителем.

Торвальд бесцеремонно сунул мне в руки свой плащ. Тяжелый, грубый, тот самый, которым меня укутывал ночью, чтобы согреть. Он накинул его мне на плечи, не заботясь о том, удобно ли мне, не слишком ли он тяжел для моих хрупких плеч. Просто накинул, словно на бездушную вешалку.

– Не отходи от меня ни на шаг, – прорычал он, впиваясь в меня взглядом своих стальных глаз. В их глубине клоко-тала ярость, словно в жерле вулкана, готового извергнуться в любой момент, но мелькали и едва заметные искорки чего-то еще. И я очень надеялась, что это было беспокойство, а не злоба, которую он хотел сорвать на мне. – И если у тебя в голове зародится хоть малейшая мысль о побеге, клянусь Одним и всеми богами Асгарда, я лично переломаю тебе ноги. Обе.

Его слова прозвучали сухо, но очень весомо. Он произнес их так серьезно, с такой непоколебимой уверенностью, с таким неприкрытым гневом, что у меня не осталось ни малейшего сомнения в правдивости его угроз. Впечатленная его яростью и напуганная возможными последствиями, я безмолвно кивнула, чувствуя, как ледяной ком страха застрял в горле, лишая меня дара речи. Спорить с Торвальдом в таком состоянии было бы равносильно самоубийству. Это как броситься в пасть голодному волку, надеясь, что он окажется вегетарианцем.

Он коротко кивнул в ответ, удостоверившись в моей покорности, и, не сказав больше ни слова, резким движением развернулся и направился к выходу. Я поспешила за ним как привязанная, теснее кутаясь в его плащ, словно он был не просто куском ткани, а надежной броней, способной защитить меня от всех бед и напастей. Под его грубой тканью я на мгновение почувствовала себя немного защищенной,

немного уверенной в завтрашнем дне, хотя и понимала, что это всего-навсего иллюзия, хрупкая надежда, не имеющая ничего общего с реальностью.

Выйдя на палубу, я с удивлением обнаружила, что мы стоим у самого берега. Вот почему драккар так сильно качнуло – неосторожно сели на песчаную отмель. Мы вплотную приблизились к узкой песчаной полосе, окруженной плотной стеной густого дремучего леса. Вода была чистой и прозрачной, словно горный ручей. Сквозь нее отчетливо виднелись округлые камни, устилающие дно. Вдалеке над верхушками деревьев кружили птицы, издавая пронзительные крики.

Торвальд, будто и не замечая моего присутствия, словно я была не живым человеком, а довеском, подошел к самому краю корабля и, не раздумывая ни секунды, будто это было обычным делом, легко и грациозно спрыгнул в ледяную воду. Брызги, словно россыпь бриллиантов, разлетелись во все стороны, но он остался невозмутим, как если бы вода была теплой.

Я замялась, не зная, что делать, как поступить в этой ситуации. С одной стороны, мне хотелось как можно скорее покинуть этот проклятый корабль и оказаться на твердой земле, но с другой – прыгать в ледяную воду я не хотела. К тому же я была одета в свое единственное платье, которое мне совершенно не хотелось мочить, и перспектива ходить весь день в мокрой одежде меня совершенно не радовала.

Заметив мое колебание, Торвальд недовольно нахмурил-

ся, словно я была неразумным ребенком, не понимающим простых вещей.

– Чего ждешь? Прыгай! – грубо скомандовал он не терпящим возражений тоном.

Я промолчала, обиженно поджав, губы и продолжала нерешительно переминаясь с ноги на ногу, пытаюсь найти в себе силы для прыжка.

В следующий момент все произошло настолько быстро, что я не успела даже испугаться. Прежде чем я смогла хоть что-то сообразить, прежде чем в моем мозгу успела сформироваться хоть какая-то мысль, Торвальд молниеносным движением подхватил меня как легкую пушинку и, не церемонясь, перекинул через плечо. Мое и без того скромное платье предательски задралось, обнажая взору похотливых воинов мои ноги и часть бедер. И даже плащ не спас меня в такой позе от позора.

– Поставь меня немедленно. Я сказала, поставь меня сейчас же, – зашипела я как змея, отчаянно колотя его по спине кулаками, словно пытаюсь выбить из него дурь.

В ответ на мои протесты он лишь, как в насмешку, с силой шлёпнул меня по заднице. Звонкий хлопок эхом разнесся над палубой, и от неожиданности и унижения я невольно вскрикнула.

Раздался громкий, раскатистый хохот, словно стая голодных гиен приветствовала долгожданную добычу. Воины, до этого момента лишь молча наблюдавшие за нашей перепал-

кой, от души веселились, подбадривая Торвальда свистом, улюлюканьем и сальными шуточками.

Я почувствовала, что кровь с бешеной скоростью приливает к лицу, обжигая щеки невыносимым жаром. От ярости, стыда и унижения, захлестнувших меня с головой, меня как ошпарило. Я была готова убить его прямо сейчас, не задумываясь о последствиях. Его и этих похотливых варваров, которые так бесцеремонно и бессовестно на меня пялились, оценивая, как кусок мяса на рынке.

Торвальд, не замечая моего бурного негодования, ведь для него, казалось, я была не живым человеком с чувствами и эмоциями, а неодушевленным предметом, спокойно донес меня до берега и, не проявляя ни малейшего сожаления, нарочито грубо поставил на ноги. И только тогда, увидев мое лицо, побагровевшее от злости, как спелый помидор, и слезы, стоящие в глазах, готовые хлынуть потоком, он удивленно нахмурился.

– Что случилось? – спросил он небрежным тоном, будто искренне не понимал, что только что произошло, словно забыл, что это он стал виновником моего унижения.

Я лишь захлебнулась рыданием, отвернувшись от него, чтобы скрыть свое лицо. Слова застревали в горле, словно острые осколки стекла, не в силах вырваться наружу. Как он мог быть таким бесчувственным? Как он мог так грубо и безжалостно унижить меня перед всей своей командой? Хотя о чем это я? Ведь для него я всего лишь рабыня и никто более.

Я не ответила, лишь упрямо сжала губы в тонкую дрожащую линию, отчаянно пытаюсь сдержать предательские потоки слез, готовые хлынуть из глаз. Я ненавидела его всей душой. Ненавидела этот проклятый корабль, эту вонь, это вечное покачивание. Ненавидела этот дикий, жестокий мир, в котором я по воле случая оказалась. И больше всего на свете я мечтала вернуться домой, в свою спокойную, размеренную жизнь, где не было места варварам, войнам и постоянному страху. Но я знала, что это невозможно. Что я застряла здесь, в этом кошмаре, и мне придется научиться жить в нем, как бы тяжело это ни было.

Торвальд молча развернулся и пошел вглубь леса, не говоря ни слова. Я как привязанная шла следом, не смея возражать. Мы шли по узкой тропинке, петляющей между вековыми деревьями, продираясь сквозь кусты и перешагивая через упавшие стволы. Я не знала, куда он меня ведет, но чувствовала, что он намеренно удаляется от берега, от суеты и гама, царивших возле драккара.

Наконец мы вышли к небольшому озеру, спрятанному в самом сердце леса. Вода в нем была кристально чистой и спокойной, словно зеркало, отражающее голубое небо и окружающие деревья. Вокруг озера росла густая трава, усыпанная яркими полевыми цветами. Тишина здесь была оглушительной, нарушаемая лишь пением птиц и шелестом листьев на ветру.

Торвальд остановился на берегу и молча указал на озеро.

– Здесь безопасно, – прорычал он своим обычным суровым тоном. – Можешь помыться.

Я удивленно посмотрела на него, не веря своим ушам. После всего что произошло, после его грубости и жестокости, это предложение показалось мне странным и неожиданным.

– Ты серьезно? – спросила я, недоверчиво глядя на него.

Он пожал плечами, словно делал мне одолжение.

– Не собираюсь я таскать за собой грязнулю. К тому же тебе это необходимо.

Слова его были грубыми, но в них слышалась доля правды. После моего внезапного появления в этом мире я толком и не мылась. После того как меня нашли у обугленного дерева, меня сразу же схватили и поволокли на костер, обвинив в колдовстве. О какой гигиене могла идти речь в тот момент?

Я поколебалась. С одной стороны, мне отчаянно хотелось смыть с себя грязь и почувствовать себя хоть немного чище. С другой – я не доверяла Торвальду. Слишком много в нем было темного и непредсказуемого. Я боялась остаться одна с ним, беззащитной и уязвимой. Однако соблазн был слишком велик. Мысль о прохладной воде, ласкающей мою кожу, казалась невероятно привлекательной.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. В его взгляде я не увидела ничего, кроме легкого раздражения. Словно он ждал от меня быстрого решения и был готов забрать свое предложение в любую минуту.

В конце концов я сдалась.

– Хорошо, – прошептала я, соглашаясь.

Я начала медленно снимать с себя плащ Торвальда, чувствуя, как его запах обволакивает меня, вызывая странное, непривычное ощущение. Этот запах одновременно отталкивал и притягивал меня.

Я почувствовала на себе его пронзительный взгляд, от которого по коже побежали мурашки. Попыталась не смотреть на него, но не смогла удержаться. Наши глаза встретились, и я почувствовала, как в моей груди что-то дрогнуло.

В этот момент я впервые увидела в Торвальде не только жестокого воина и бесчувственного похитителя, но и мужчину. Высокий, сильный, с жесткими чертами лица и глубоким пронзительным взглядом. Он был опасен, несомненно, но в этой опасности таилась какая-то притягательная сила, которой я не могла противостоять.

Я быстро отвела взгляд, пытаюсь скрыть смущение.

– Я... я, наверное, не буду купаться, – пробормотала я, неуверенно переминаясь с ноги на ногу.

Торвальд нахмурил брови, словно не понимал, что происходит.

– Почему? Передумала?

Я отрицательно покачала головой.

– Просто... просто я... боюсь.

Он усмехнулся, презрительно скривив губы.

– Боишься воды? Не смей меня. Неужто и в самом деле ведьма?

Он сбросил с себя одежду и вошел в воду. Медленно, словно испытывая ее температуру. Я неотрывно следила за каждым его движением. Как капли воды стекали по его мускулистому телу, как солнце играло бликами на его бронзовой коже. Он был красив. Красив какой-то дикой, необузданной красотой, от которой захватывало дух.

Он зашел в воду по пояс и остановился, глядя на меня насмешливым взглядом.

– Что стоишь? Иди сюда. Или ты предпочитаешь, чтобы я тебя вымыл?

Я покраснела, как раскаленный уголь. От его взгляда по телу разлилось странное, волнующее тепло. Я не знала, что сказать, как себя вести. Я чувствовала, что теряю над собой контроль.

– Я... я пойду, – пробормотала я, стараясь отвести взгляд от его обнаженного тела.

Торвальд вышел из воды, капли стекали по его торсу. Он обхватил мое лицо ладонями и мягко поцеловал, его поцелуй казался нежнее, чем я ожидала. Он начал ласкать мою шею, притягивая все ближе и ближе за волосы, но потом вдруг остановился. Его глаза горели, но усилием воли он отстранился от меня.

Я не знала, что думать и что делать, единственное, на что хватило фантазии, – это быстро раздеться и зайти в воду, будто вода могла меня остудить или защитить от викинга. Холодная вода обожгла кожу, но вскоре я привыкла к ней.

Я с головой погрузилась в озеро, смывая с себя грязь и усталость последних дней. Вынырнув, я почувствовала себя намного лучше, будто с меня сняли тяжелый груз.

Выбравшись из воды, я увидела, что Торвальд жарит на костре рыбу. Некоторое время я еще сомневалась, как мне выйти из воды, но мужчина нарочито не смотрел на меня, и я решила: выскочу поскорее и прикроюсь плащом, пока обсохну, а там и оденусь незаметно.

– Рыбу будешь? – спросил мужчина, и я не секунды не медлила с ответом. Запах стоял умопомрачительный, и есть хотелось невероятно.

– Буду, – слишком поспешно ответила, да еще и головой закивала как болванчик, чем вызвала улыбку мужчины.

Я набросилась на угощение и впервые за долгое время, если точнее, с момента попадания в этот мир, наелась досыта.

Торвальд смотрел на меня изучающе.

– Вижу, ты давно не ела нормально.

От его слов мне стало стыдно. Я покраснела и опустила глаза.

– Это правда, – тихо призналась я. – С тех пор как я попала сюда, у меня не было возможности нормально поесть.

Он ничего не ответил, лишь продолжал смотреть на меня, как будто изучал.

– Откуда попала? – немного нахмурился мужчина, задавая вопрос.

Слова о другом мире слетели с моих губ, и я испуганно замолчала, осознав, что сказала. Торвальд посмотрел на меня, и я увидела, как изменилось его лицо. Сперва появилась легкая усмешка, словно я рассказала забавную историю.

— Другой мир, говоришь? — хмыкнул он, откусывая кусок рыбы. — Может, ты еще и на драконе прилетела?

Я закусила губу, чувствуя, как внутри меня нарастало отчаяние. Как донести до него правду? Как убедить, что я не сумасшедшая?

— Я говорила правду, — тихо произнесла я, глядя ему прямо в глаза. — Я не знаю, как я здесь оказалась. Помню, как мой отец нашел мне жениха, как хотел выдать замуж, а потом... пустота. Я очнулась под этим деревом, в которое ударила молния. Меня сразу же схватили и поволокли на костер. Я даже не успела понять, что происходит.

Торвальд перестал жевать и посмотрел на меня уже не с усмешкой, а с каким-то странным сомнением. В его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес, но в то же время и недоверие.

— За такие речи и сжигают, знаешь ли, — сказал он, и в его голосе не было шутки. — Слышал я про чужаков, что приходят к нам из-за моря. Но чтобы из другого мира...

Я почувствовала, как по щекам текут слезы. Я так устала от этого всего. И от недоверия викинга плотину прорвало, как говорится.

— Я не знаю, как я попала сюда, — повторила я, захлебыва-

ясь слезами. — Я ничего не помню. Я даже не знаю, умерла ли я в своем мире или нет. Помню отца и жениха, а дальше — тьма.

Вдруг Торвальд протянул руку и вытер мои слезы большим пальцем. Его прикосновение оказалось неожиданно мягким и нежным, а я замерла, забыв, что плакала.

— Ладно, — сказал он тихо. — Хватит плакать, — он отвернулся и посмотрел на костер, словно обдумывал что-то важное. — Слушай меня внимательно, — произнес он, не глядя на меня. — Никогда... слышишь? Никогда больше не рассказывай эту историю никому. Ни единой душе. На тебя и так смотрели как на диковинную зверушку, если узнают о твоих сказках про другой мир, тебе не жить. Лучше молчи.

Он повернулся ко мне и посмотрел с серьезностью, от которой по коже пробежали мурашки:

— Старайся вообще ни с кем в разговоры не вступать, — добавил он. — Просто помалкивай и делай то, что тебе говорят. Поняла?

Я кивнула, послушно соглашаясь. Страх внутри меня усилился. Я понимала, что в этом мире мои слова — это опасное оружие, которое может обернуться против меня.

— Поняла, — прошептала я.

Торвальд кивнул в ответ и вернулся к своему костру. Молчание снова окутало нас, но теперь оно было другим, более тревожным и напряженным. Я чувствовала, что он больше не смотрит на меня как на простую добычу. В его глазах по-

явилась какая-то загадка, какое-то беспокойство. И я не понимала, что это значит. И это пугало меня еще больше.

– Что со мной будет, когда мы прибудем в твою деревню? – этот вопрос меня тоже очень сильно занимал. Я все думала: “Неужели Торвальд спас меня из огня костра, чтобы отдать под суд ярла?”

– Не знаю, – вдруг признался мужчина. – Ты подняла руку на свободного мужчину, да еще и на воина.

– Но я же не животное, в конце-то концов! – не смогла сдержать возмущение. – Я буду защищаться, когда из меня хотят сделать рабыню.

– Ты женщина, – хмуро буркнул Торвальд, словно бы эта фраза все объясняла. В его словах не было ни капли сочувствия, лишь констатация факта. Женщина – существо подчиненное, бесправное. Сердце наполнилось горечью и бесильной яростью.

– И что мне теперь делать? – спросила я, стараясь не выдать дрожь в голосе. – Просто ждать, пока меня продадут в рабство или принесут в жертву какому-нибудь богу?

Торвальд молчал, глядя на пламя костра. Казалось, он действительно не знал, что со мной будет. И это пугало меня не меньше, чем перспектива рабства.

– Я подумаю, – наконец произнес он, не отрывая взгляда от огня. – Всеу свое время.

“Всеу свое время...” Как будто у меня есть выбор. Я привязана к нему, как дичь к охотнику. Я завишу от его реше-

ния, от его милости. И эта зависимость душила меня сильнее, чем любой ошейник.

Ночь опустилась на лес, укутывая все вокруг непроглядной тьмой. Я устроилась на подстилке из плаща, пытаюсь согреться. Но холод проникал внутрь, пробирая до костей.

Торвальд не спал. Он сидел у костра, словно страж, охраняя меня от неведомой опасности. Его силуэт вырисовывался на фоне пламени, кажущийся еще более огромным и могущественным. И я не могла понять, кто он: мой враг или мой спаситель? Мой тюремщик или мой защитник? Промучившись всю ночь, я так и не смогла сомкнуть глаз. Бесконечные мысли крутились в моей голове, словно потревоженные осы. Что ждет меня впереди? Что решит Торвальд? Что будет, если он решит отдать меня ярлу? Смогу ли я выжить в этом диком, чуждом мне мире, где к собаке больше уважения, чем к рабыне, в которую меня превратили.

С первыми лучами солнца Торвальд поднялся и подошел ко мне. В его глазах не было ни следа вчерашней загадочности. Он снова стал прежним – суровым, непроницаемым, опасным.

– Собирайся, – сказал он. – Мы уходим.

Куда мы уходим? Что он задумал? Я не знала, но послушно поднялась и последовала за ним. У меня не было выбора. Мы шли по лесу, кажется, в сторону драккара. Торвальд молчал, и я тоже не сказали ни слова. Нам не о чем было говорить. Наши мысли были в разных мирах. Внезапно он

остановился и повернулся ко мне.

– Я решил, – сказал он. – Я не отдам тебя ярлу.

Внутри меня все замерло. Неужели он передумал? Неужели он решил меня защитить?

– Почему? – спросила я, не веря своему счастью. Торвальд нахмурил брови, словно я задала глупый вопрос.

– Потому что ты моя добыча, – ответил он. – И я сам решу, что с тобой делать. Но запомни, ты не перечишь мне на людях и подтверждаешь каждое мое слово. Поняла?

Я кивнула, а его слова окатили меня ледяной водой. Я снова понимала, что не стоит строить иллюзии. Он делает это не из милосердия. Он преследовал какую-то цель, только я пока не знала какую. Он делал это для себя. Я была его собственностью, его трофеем. И он не намеревался делиться им ни с кем.

Он продолжил движение, и я снова побрела за ним по лесу, как на привязи. Хотя почему "как"? Он привязал меня к себе обещанием заступиться, а вот исполнит ли он свое обещание, я пока не знала.

Глава 5.

Корабль был готов к отплытию, и я вернулась на драккар ровно так же, как и его покинула, на мужском плече. Сейчас уже мужчины не улюлюкали и не шутили, что-то изменилось, а вот что именно — я не поняла. Что такого в том, что мы переночевали в лесу? Но, видимо, я чего-то не знала или не понимала, а спросить и не у кого.

Я снова осталась в каюте одна. Торвальд вышел, лишь сверкнув взглядом, словно отдавал молчаливую команду не высовываться. И я послушно кивнула.

Неделя в каюте драккара ощущалась вечностью. Морская болезнь словно поселилась во мне, день за днем выматывая тело и душу. Раньше меня слегка укачивало в дороге, но теперь тошнота и головокружение преследовали неотступно. Я словно горела в адском пламени, чувствуя, как внутренности скручиваются в болезненном спазме. Жидкий травяной отвар, который давал мне Торвальд, приносил лишь временное облегчение. Я почти не могла есть, во рту все время стоял привкус горечи, и лишь изредка смачивала пересохшие губы глотком воды. Остальное время я проводила, неподвижно лежа на жесткой койке, стараясь не думать о завтрашнем дне, который казался еще страшнее сегодняшнего.

Между мной и Торвальдом установилось странное, хрупкое перемирие, словно между пленником и надзирателем.

Он приходил в каюту раз в день, чаще всего молчаливый и угрюмый, проверял мое состояние, приносил отвар и уходил, не говоря ни слова о том, что ждет меня впереди. Ни обещаний, ни намеков, ни угроз. Только тишина и его пронзительный взгляд, от которого по коже бежали мурашки. Я почтиительно благодарила его, боясь поднять глаза. В такие моменты я чувствовала себя как дрессированный щенок, выучивший правила поведения, чтобы угодить своему хозяину. С одной стороны – ненависть и страх перед воителем, с другой – робкая благодарность за то, что он кормит меня и защищает, хоть и от своих же соплеменников.

Наконец эта бесконечная пытка закончилась. Драккар пристал к берегу. До меня доносились обрывки ликующих криков, сквозь щели между досками виднелись радостные лица викингов, приветствующих возвращение домой. Слышался звонкий смех детей, лай собак, звуки оживленной беседы. Я замерла в каюте, ожидая неизбежного. Что будет дальше? Сдержит ли Торвальд свое слово? Оставит ли меня себе, как обещал, или все же отдаст на суд ярлу? Сердце колотилось в груди от неизвестности.

Дверь в каюту резко распахнулась, и на пороге появился Торвальд. В его суровом взгляде промелькнуло что-то новое, но что именно – я не успела понять, потому что он отвел глаза. Меня это испугало не на шутку. Если прячет взгляд, значит, слово держать не намерен. Ну правильно – зачем? Я ж всего лишь рабыня, пленница, женщина.

– Выходи, – приказал он властным голосом. – Мы приплыли.

С трудом поднявшись на ноги, я послушно вышла из каюты и оказалась на палубе. Что бы он там ни решил, а у меня выбора нет.

Яркий солнечный свет ослепил меня, заставив прищуриться. Когда зрение немного пришло в норму, я увидела, что мы находимся в небольшой живописной бухте. Берег пестрел ликующей толпой, встречающей вернувшихся драккаров. Викинги радостно обнимали жен и детей, по-братски приветствовали товарищей, громко смеялись и шутили. И только я стояла в стороне, чужая на этом празднике жизни, испуганная, одинокая, потерянная в этом диком, непривычном мире.

Торвальд крепко взял меня за руку и властно повел к спущенному трапу. Я шла за ним, стараясь не поднимать глаз на ликующую толпу. Кожей чувствовала направленные на меня взгляды – любопытные, осуждающие, враждебные. Меня рассматривали, как диковинную зверушку, тыкали пальцем, перешептывались за спиной.

Когда мы, наконец, сошли на берег, Торвальд не выпустил мою руку из своей. Он сжал ее еще крепче, словно боялся, что я сбегу. Его хватка была сильной и властной, и я, словно покорная рабыня, следовала за своим хозяином.

Я не понимала, действительно ли он намерен меня защищать? А если и будет, то от чего или кого? От гнева ярла?

От озлобленной толпы? Или от самого себя, от собственных необузданных желаний?

Он молча повел меня по узкой извилистой тропинке, ведущей вглубь поселения. Я впервые видела настоящий поселок викингов – грубые бревенчатые дома с земляными крышами, плотно прижатые друг к другу, окруженные частоколом, грязные улочки, по которым свободно гуляли свиньи и куры.

Внезапно Торвальд остановился перед самым большим и крепким домом в поселении, возвышавшимся над остальными. Без слов я поняла, что это дом ярла. Сердце снова болезненно сжалось от страха. Неужели он все-таки передумал и решил отдать меня на расправу?

Торвальд глубоко вздохнул, словно собирался с духом, и сжал мою руку еще сильнее. Его костяшки побелели.

– Оставайся рядом со мной, – прошептал он, наклонившись к моему уху. – И помни все, что я тебе говорил. Не перечь ни словом и подтверждай все, что я скажу. Поняла?

Я быстро кивнула, чувствуя, как ледяные мурашки бегут по спине.

– Поняла, – прошептала я в ответ, стараясь не выдать дрожи в голосе.

Я шла за Торвальдом как тень, испуганно оглядываясь по сторонам. Поселение викингов – это не просто дома и улицы, это живой организм, дышащий в своем собственном ритме. Здесь все пропитано историей, традициями, суровой реаль-

ностью выживания. И я чужая здесь, лишняя. Меня бросили в этот мир, как котенка в ледяной ручей, и я отчаянно пытаюсь удержаться на плаву.

Торвальд уверенно вел меня по поселению, словно показывал свою добычу. Нас провожали взглядами, в которых смешивались любопытство, презрение и... даже какое-то подобие страха. Я чувствовала себя маленькой птичкой, попавшей в клетку к голодным хищникам.

Наконец мы достигли дома ярла. Это не просто жилище, это крепость, символ власти и силы. Массивные бревна стен кажутся неприступными, а тяжелая дверь, украшенная искусной резьбой, словно приглашает в царство тьмы и неизвестности.

Торвальд уверенно шагнул к дому и, не колеблясь, постучал в массивную деревянную дверь, украшенную резьбой в виде переплетенных змей. Мое сердце замерло в мучительном ожидании. Сейчас решится моя судьба. Звук гулко разнесся по округе, заставив меня вздрогнуть. На мгновение мне показалось, что я слышу биение собственного сердца, оглушающее своей частотой.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась женщина. Высокая, статная, с суровым лицом, испещренным морщинами. Ее глаза цвета зимнего неба внимательно изучали меня, словно сканировали на предмет слабости и уязвимости. На ее шее красовалось массивное серебряное ожерелье с руническими символами. Я предположила, что это мать Торваль-

да. А значит, эта женщина обладает немалым влиянием в этом сообществе.

За ее спиной виднелись очертания большого зала, освещенного мерцанием факелов. Оттуда доносились приглушенные голоса и запах дыма. Дом ярла – это сердце поселения, место, где принимаются важные решения, плетутся интриги и решаются судьбы.

Женщина молча кивнула Торвальду, пропуская нас внутрь. И я послушно последовала за ним, словно меня вели на заклание.

Внутри дома ярла было сумрачно и жарко. Дым от очага стелился по потолку, пропитывая все вокруг своим терпким запахом. Длинный стол, заставленный кубками и тарелками с едой, тянулся вдоль стены. Вокруг него сидели мужчины – суровые, бородатые викинги, одетые в кожаные доспехи. Они молчаливо ели, изредка перебрасываясь короткими фразами.

В дальнем конце зала на высоком троне восседал ярл. Мощный, широкоплечий мужчина с густой рыжей бородой и пронзительными голубыми глазами. На его голове красовался рогатый шлем – символ его власти и силы. Рядом с ним на небольшом табурете сидела молодая женщина. Может быть, дочь? Ее волосы, заплетенные в толстую косу, были украшены серебряными бусинами, а на шее красовалось тонкое золотое ожерелье.

Ярл внимательно наблюдал за нами, не произнося ни сло-

ва. Его взгляд был холодным и оценивающим, словно он прикидывал, сколько я стою.

Торвальд остановился перед ним и склонил голову в знак почтения.

– Ярл, – произнес он громким уверенным голосом. – Я вернулся из набега и привел с собой добычу.

Он указал на меня рукой, и все взгляды в зале обратились ко мне. Я почувствовала, как кровь отливает от лица.

– Эта женщина, – продолжил Торвальд, – была обвинена в колдовстве и знахарстве, и ее хотели сжечь на костре за это. Я спас ее и решил оставить себе.

В зале воцарилось молчание. Все ждали реакции ярла. Я стояла словно парализованная, не зная, что сказать и что делать.

Ярл медленно поднялся со своего трона и подошел ко мне. Почему-то мне показалось, что он скривился на мгновение, когда поднимался, словно эти действия давались ему с большим трудом, через боль. Но, может быть, мне показалось? Он был выше меня, наверное, на две головы, и я чувствовала себя перед ним жалкой и беззащитной.

– Значит, ты ведунья и целительница? – то ли спросил, то ли утверждал мужчина, глядя мне прямо в глаза. Я в панике посмотрела на Торвальда, но у того и мускул не дрогнул на лице.

Его голос был низким и хриплым, но в нем чувствовалась огромная сила.

Я сглотнула слюну и попыталась ответить.

– Да, ярл, – прошептала я. – Я... меня... хотели сжечь.

Ярл усмехнулся.

– И как же ты лечишь? Обрядами? Заклинаниями? Какому богу поклоняешься? – повторил он. – Интересно. Расскажи мне обо всем.

Я замялась, не зная, с чего начать и что вообще говорить. А может, сказать, что Торвальд насочинял? Или солгать? Но я очень боялась завраться и тем усугубить свое положение.

Торвальд пристально смотрел на меня, словно предупреждая. Я вспомнила его слова: “Не перечь ни словом и подтверждай все, что я скажу”.

Что же делать?

Ярл ждал ответа, и молчание становилось невыносимым. В голове метались обрывки фраз, воспоминания из прошлой жизни... Как объяснить этим людям, что я не колдунья и даже не врач? Я обычная студентка, никакого отношения не имеющая к медицине по большому счету. Но мои знания, даже самые поверхностные, – это куда больше, чем знают их местные лекари, хотя... Что говорить? Начать сыпать медицинскими терминами? Рентген, антибиотики, асептика – все эти слова были пустой непонятной болтовней в этом диком мире. Да и что вообще от меня ожидал Торвальд? На что он рассчитывал, когда выдавал меня за колдунью?

Но Торвальд, словно почувствовав мою панику, не дал мне времени на раздумья. Он шагнул вперед, заслоняя меня

от пронзительного взгляда ярла. Его широкая спина казалась сейчас единственной защитой от надвигающейся бури.

— Ярл, — твердо произнес он. — Алана устала после долгого путешествия. Дорога была нелегкой, и сейчас ей нужно отдохнуть. Дайте ей время, и завтра она расскажет вам все, что вы пожелаете. Она охотно поделится своими знаниями и умениями.

Ярл нахмурил брови, словно обдумывая услышанное. На мгновение мне показалось, что он собирается возразить, но его внимание вдруг переключилось на его бок. Я заметила, как он инстинктивно прижимает к нему руку, словно пытаюсь унять боль. Движение было почти незаметным. Почти незаметным для окружающих, но не для меня. Все же я подрабатывала в больнице. Хоть и санитаркой, но все же. Волей-неволей, но я, вращаясь в медицинской среде, многому научилась, хотя в мои обязанности входила лишь уборка. Что-то явно беспокоило ярла, и это была не просто усталость, а острая мучительная боль. Он будто сдерживал стон, напрягая все мышцы лица.

В этот момент ярл оступился. Неуверенно качнувшись, он едва не упал. На лицах окружающих мелькнул испуг. Женщина, что встретила нас, и девушка, до этого тихо сидевшие рядом, мгновенно вскочили на ноги и подставили свои плечи, чтобы он мог опереться. Ярл тяжело дышал, его лицо приобрело землистый оттенок, его губы посинели. Он казался изможденным, постаревшим на несколько лет.

– Кажется, ты сегодня переборщил с медом, – произнесла жена ярла, ее голос был полон тревоги и заботы. – Тебе пора отдохнуть. Негоже ярлу показывать слабость перед своими воинами. Пойдем, я отведу тебя в твои покои.

Я удивленно посмотрела на нее. Ни малейшего запаха алкоголя от ярла я не чувствовала. Она лгала. Причем лгала искусно, пытаясь скрыть что-то важное. Что-то, что касалось здоровья ярла. Что-то, что, возможно, было известно лишь ей и дочери. Что-то, что отчаянно пытались скрыть от остальных.

– Да, ты права, – прохрипел ярл, опираясь на своих помощниц. Его голос звучал слабо и глухо. – Завтра устроим большой пир в честь возвращения воинов. Должны отпраздновать достойно. А сегодня... сегодня я устал. Старость не радость.

Он бросил на меня мимолетный взгляд, в котором я не смогла ничего прочесть. В нем не было ни гнева, ни любопытства, ни даже раздражения. Только непроницаемая пустота, за которой скрывалась глубокая неизлечимая скорбь.

– Торвальд, – обратился он к викингу, – позаботься о своей... добыче. И приведите ее ко мне завтра. У меня будут вопросы.

Торвальд склонил голову.

– Как скажете, ярл.

Жена ярла и девушка, поддерживая его под руки, повели его прочь из зала. Он шел, с трудом переставляя ноги, и

его движения были лишены той уверенности и силы, которые я видела в нем в начале нашей встречи. Я проводила их взглядом, размышляя о том, что я только что увидела. Ярл болен. И его болезнь – это не простое похмелье или старческая немощь. Это что-то серьезное, что-то, что медленно, но верно убивает его.

Торвальд молча повел меня за собой. Мы вышли из дома ярла и оказались на улице. Ночной воздух показался мне особенно свежим после душной атмосферы зала для пиршеств, наполненного запахами дыма и пота. Я облегченно вздохнула, стараясь успокоить бешено колотящееся сердце.

Я чувствовала, как меня переполняют вопросы.

– Что это было? – не выдержала я. – Почему он так внезапно ушел? И почему его жена сказала, что он перепил, если он даже не пил? Это же абсурд. И что с ним вообще происходит?

Торвальд остановился и взглянул на меня. Его глаза были темными и непроницаемыми, как ночное небо, в них нельзя было ничего прочесть. Его лицо оставалось бесстрастным, словно высеченным из камня.

– Не задавай лишних вопросов, – проворчал он. – Тебе это ни к чему. Просто делай то, что тебе говорят. И не пытайся лезть не в свое дело. Здесь правят сила и молчание, а не любопытство.

Он снова взял меня за руку и повел дальше по поселению. Я не понимала, куда мы идем, но сопротивляться не стала. Я

знала, что сейчас лучше молчать и наблюдать, чем пытаться что-то выяснить.

Мы прошли по узким улочкам, мимо тускло освещенных домов. Из окон доносились приглушенные голоса и смех. В воздухе витали запахи дыма, жареного мяса и моря, смешиваясь с терпким запахом сосновой смолы.

Наконец Торвальд остановился перед небольшим бревенчатым домом, ничем не отличающимся от остальных.

– Здесь ты будешь жить, – коротко сказал он, открывая дверь. – Это мой дом.

Дом Торвальда оказался небольшим, но чистым и уютным. Внутри стояла большая кровать, застеленная домотканым одеялом, стол, несколько табуретов и очаг, над которым висел закопченный котел. На полке у стены стояли глиняные горшки и деревянные миски, словно ждущие, когда их наполнят едой. В углу стоял сундук, обитый железом.

– Здесь безопасно? – спросила я, оглядываясь по сторонам.

Торвальд усмехнулся.

– Пока ты со мной – да. А завтра... посмотрим. Завтра все может измениться.

Он бросил на кровать олений плащ.

– Можешь спать здесь, – сказал он. – А я переночую у очага. Это ненадолго.

Не сказав больше ни слова, он подошел к очагу и принялся раздувать угли, словно пытаясь разогнать царящую в ком-

нате тьму.

Я молча разделась и легла на кровать, укрывшись плащом. Тело ныло от усталости, но сон не шел. В голове крутились мысли о ярле, о его болезни, о завтрашнем дне. Что он захочет узнать? Как мне вести себя, чтобы не навлечь на себя беду? И главное... как спастись? Ведь я знала, что если ярл умрет, то меня обвинят в его смерти. В колдовстве.

Я чувствовала себя пешкой в чужой игре, и мое будущее зависело от чужих решений. Единственное, что я знала наверняка, – мне нужно быть осторожной. Очень осторожной. И попытаться разговорить Торвальда. Ведь он, как мне казалось, что-то скрывает.

И еще... я должна понять, чем болен ярл. Это не только мой шанс на спасение, но и, возможно, шанс помочь ему, а заодно и себе.

Глава 6.

Резкий холод ночи пробрал до дрожи, и я дернулась, пробуждаясь ото сна, который больше походил на зыбкое марево. Перина, набитая сухим сеном и покрытая грубой шерстяной тканью, не могла удержать тепло. Матрасом это назвать было сложно, скорее ворох жестких трав, смягченный слоем овечьей шерсти.

Рядом кто-то был. Тяжелое дыхание обжигало кожу на затылке. Сердце кувыркнулось в груди, подскочив куда-то к горлу. Я попыталась отстраниться, но чья-то сильная рука грубо заткнула мне рот, не давая издать ни звука. Страх вспыхнул ледяным пламенем, парализуя волю.

– Тише, – прошипел знакомый голос прямо над ухом. Торвальд. От осознания, что это он, а не чудовище из ночного кошмара, легче не стало. Скорее наоборот. К ужасу добавилось отчаяние. Неужели это то, чего я боялась больше всего? Неужели он, как и все здесь, видит во мне лишь бесправную добычу, которую можно использовать по своему усмотрению? В голове бешено замелькали картины рабства, насилия, потери себя. Хрупкая надежда на защиту, которую он, казалось, предлагал, рассыпалась в прах.

Но Торвальд не двигался дальше. Он лишь сильнее прижимал ладонь к моим губам, словно боялся, что малейший звук привлечет нежелательное внимание. Я чувствовала, как

дрожит его рука, и этот еле заметный тремор добавлял мне еще больше ужаса. Что происходит? Чего он так боится?

Наконец он немного ослабил хватку, позволяя мне вдохнуть. Воздух, пропитанный запахом дыма и звериной шкуры, показался горьким на вкус.

– Я не причиню тебе вреда, – прошептал он, и в его голосе я уловила странные нотки, которые не смогла идентифицировать. – Но ты должна слушаться меня беспрекословно. Поняла?

Я судорожно кивнула, не в силах произнести ни слова. Страх сковал горло, лишая возможности говорить. Он убрал руку, и я ощутила всю полноту своего бессилия. Я даже если хотела бы, просто не смогла бы дать ему отпор.

– Одевайся быстро, но тихо. Нам нужно идти, – приказал Торвальд, и в этот раз в его голосе прозвучала не только напряженность, но и какая-то... обреченность. Это сбивало с толку. Что происходит?

Вслепую нашарив свою одежду, я торопливо стала одеваться, стараясь не издавать ни единого звука. Торвальд не сводил с меня глаз, словно я могла исчезнуть в любую секунду. В полумраке его глаза казались черными провалами. Что он задумал? И почему он так нервничает?

Когда я была готова, в дверь тихо, почти неслышно постучали. Торвальд, словно хищник перед прыжком, замер на мгновение, а затем бесшумно открыл дверь, впуская в дом посланника. Присмотревшись, я узнала воина из зала ярла.

Его лицо, надменное и грубое, сейчас казалось высеченным из камня, лишенным всяких эмоций. Он больше походил на мрачного вестника, чем на обычного солдата.

– Торвальд, ярл зовет тебя. И... твою пленницу. Немедленно, – его голос был приглушенным, бесцветным, словно у мертвеца.

Торвальд кивнул, коротко и отрывисто.

– Мы готовы, – но по тому, как напряглись его плечи, я поняла, что он, как и я, не понимает, что происходит, и напряжен до предела.

Страх сковал мое тело ледяными цепями, парализуя волю. Неужели ярл передумал и решил не дожидаться формального допроса до утра? Но почему посреди ночи? И зачем такая спешка? Что он задумал? Что он высмотрел во мне?

Торвальд взял меня за руку, его хватка была жесткой, почти причиняющей боль. Он повел меня за собой, слепо следуя за воином в ночную тьму. Мы вышли из дома в ночь. Лишь кое-где в окнах домов едва мерцал тусклый свет, поселение спало.

Вместо того чтобы идти по главной дороге, ведущей к дому ярла, воин повел нас в обход через запутанные лабиринты узких переулков. Он крался, словно волк, пригибаясь к земле, и мы, замороженные ужасом, послушно следовали за ним. С каждой минутой сердце бешено колотилось, отбивая чечетку паники. Что-то здесь было не так. Что-то ужасное.

– Куда мы идем? – осмелилась спросить я шепотом, с тру-

дом разжимая пересохшие губы.

– Тише! – одернул меня Торвальд, с силой сжимая мою руку. – Не время для вопросов. Просто доверься мне.

Но как я могла ему доверять, когда он сам, как мне показалось, был напуган до чертиков?

Шли мы долго, казалось, бесконечно долго. Наконец воин остановился у неприметной двери в дальней части дома ярла. Она была скрыта в тени. Черный ход. Разве через него заводят для допросов?

– Заходите, – тихо прошептал воин, открывая дверь и растворяясь в ночи. – Ярл ждет.

Торвальд решительно толкнул дверь и вошел внутрь. Я, словно приговоренная к казни, обреченно последовала за ним. Мы оказались в узком коридоре, освещенном лишь мерцающим, колеблющимся пламенем светильников, висящих на стенах. Тени плясали вокруг нас, создавая зловещие образы. Холод проникал в тело, казалось, просачиваясь сквозь кожу. В конце коридора виднелась еще одна дверь, такая же неприметная и зловещая, как и первая.

Что ждет меня за этой дверью? Ярл, полный ярости и жажды власти? Или что-то еще более страшное и непредсказуемое? Возможно, смерть. Торвальд молча сжал мою руку, словно пытаясь передать мне хоть немного смелости. Но отступать было нельзя. Вернее, некуда.

Ощущение опасности давило на меня, как тонны воды. Мозг пытался проанализировать все, что происходило.

Нас ввели не через парадный вход. Это не похоже на допрос. Скорее на тайную встречу. Но с кем? И зачем я здесь? Я чувствовала себя мышкой, попавшей в кошачьи лапы.

Торвальд, все еще держа меня за руку, повел вперед. После ледяного ночного воздуха комната показалась душной и спертой. В нос ударил резкий запах трав и лекарств, смешанный с чем-то гнилостным, пугающим.

И тут я увидела его. Ярл лежал на огромной массивной кровати, укрытый медвежьими шкурами. Его лицо было пепельно-серым, губы посинели. Он был похож на восковую фигуру, словно жизнь медленно, но верно покидала его тело. Дыхание его было поверхностным, прерывистым, а каждое движение давалось с видимым трудом. Это был уже не тот грозный вождь, которого я видела несколькими часами ранее. Это был лишь призрак былой силы, тень человека, борющегося со смертью.

У изголовья, словно хищная птица, замерла его жена. Она была высока, статна, но даже ее царственная осанка не могла скрыть тревоги, застывшей в глубине ее темных глаз. Рядом с ней стояла дочь, ее лицо казалось осунувшимся.

Женщина молча наблюдала за нами, пока воин бесшумно не скрылся за дверью. Комната наполнилась тягостным молчанием, прерываемым лишь хриплым дыханием ярла.

Наконец она заговорила. Ее голос звучал приглушенно и напряженно:

– Торвальд, ты привел ее?

– Как вы и приказали, госпожа, – ответил викинг, склонив голову.

Женщина перевела взгляд на меня. Ее глаза, холодные и пронзительные, словно бурав, вонзились прямо в меня.

– Торвальд сказал, что тебя хотели сжечь на костре за то, что ты умеешь лечить. Сейчас у тебя есть шанс доказать это. Исцели нашего ярла, чужеземка.

Сердце ухнуло куда-то вниз. Я знала, что ярл болен, но не представляла, насколько все серьезно. Я никакой не врач. Так, просто санитарка. И уж точно никогда не занималась врачебной практикой. Я растерянно посмотрела на Торвальда, ища хоть какой-то подсказки или помощи, это ведь он решил соврать о моих способностях. Но его лицо оставалось непроницаемым. Он просто молчал, словно ожидая моего решения.

– Я... я не знаю, что я могу сделать, – пролепетала я, чувствуя, как по спине бегут мурашки от страха. – Я не лекарь.

– Ты лжешь! – взвилась жена ярла, ее голос вспыхнул подобно пламени. – У нас уже был пленник, он тоже был захвачен в походе, и его тоже хотели сжечь, но он умел лечить. Он умер от старости, пользовался почетом и уважением. Ярл даровал ему свободу, но он не захотел покидать нас. Если ты тоже хочешь быть свободна, то исцелишь моего мужа.

Я попыталась возразить, но она не дала мне ни слова вставить.

– Сейчас не время для отговорок! – закричала она. –

Жизнь ярла висит на волоске! Если ты хоть что-то знаешь, хоть что-то умеешь – говори сейчас же! Или я лично вскрою твой живот и брошу на корм воронам.

Я почувствовала, как дрожат мои колени. Угроза была вполне реальной. Я знала, что если ярл умрет, меня обвинят в этом. Меня ждет мучительная смерть.

– Хорошо, – прошептала я, чувствуя, как страх сковывает мое тело. – Хорошо, я попробую. Но я не могу ничего обещать.

Женщина кивнула, едва заметно.

– Тогда приступай немедленно. У тебя нет времени.

Я подошла к кровати и осторожно осмотрела ярла. Его лицо было бледным и осунувшимся, впалые щеки, губы сухие. Это были признаки общей слабости организма, обезвоживания, возможно, инфекции. Интуиция подсказывала мне, что дело плохо. Очень плохо.

– Что случилось? Что с ним произошло? – спросила я, стараясь говорить спокойно, чтобы не выдать своего страха.

– Не твое дело, – отрезала женщина. – Просто исцели его.

Я проигнорировала ее слова. Мне нужна была информация, чтобы хоть как-то попытаться помочь.

– Как вас зовут? – я не знала, как обращаться к женщине, а она представляться явно не спешила.

– Гуннхильд, – ответила та. – Обращайся ко мне госпожа Гуннхильд.

– Госпожа Гуннхильд, я не могу исцелить его, не зная, что

с ним случилось. Мне нужно знать, какие у него симптомы, когда он заболел, что он ел, что пил. Все!

Гуннхильд колебалась. Я видела, как в ее глазах мелькает сомнение. Она явно что-то скрывала.

– Дело в том, что ярл ранен, – вдруг вступил в разговор Торвальд.

– Заткнись, мальчишка, – оборвала его Гуннхильд. – Не тебе рассказывать о ярле. Если он приютил тебя, отребье, и называет сыном, это еще не значит, что ты что-то значишь, – выругалась женщина, а я поняла, что тут все значительно хуже, чем мне показалось с первого взгляда. Если я правильно понимаю все, что здесь происходит, то ярл усыновил Торвальда и называет, а может, и считает сыном. Судя по всему, сына ему Гуннхильд не родила, вот он и думает, кого сделать вождем после своей смерти. Должно быть, жена не рада была появлению Торвальда и всячески пытается подорвать его авторитет. А значит, если я не вылечу ярла и тот отправится к праотцам, то моя участь незавидна. Я не стала развивать эту мысль дальше, потому что у меня уже затряслись руки с перепугу.

– Матушка, – вмешалась дочь ярла. – Пусть Торвальд все расскажет. Эта чужеземка – единственный шанс поставить отца на ноги. Прошу тебя, не препятствуй, – попросила девушка и, кажется, немного уладила нрав матери.

– Рассказывай, – приказала та, а сама отошла к стене и села на стул с прямой спинкой, замощенный шкурами для

мягкости и тепла.

Торвальд вздохнул, словно собираясь с духом. Его глаза встретились с моими, в них плескалась тень вины и беспокойства.

– Это случилось на охоте, – начал он, стараясь говорить как можно более спокойным голосом, – как раз перед тем как мы собирались в плавание. Мы охотились на оленя в дальней части леса. Ярл был... неосторожен. Он оступился и напоролся на сук.

Я почувствовала, как холодок пробежал по спине. Теперь все вставало на свои места. Вот почему ярл так внезапно ушел. Вот почему его жена так странно себя вела. Рана. Скрытая рана, которая медленно, но верно убивала его.

– Рана была глубокой, – продолжал Торвальд. – Она задела бок чуть ниже ребер. Мы оказали ему помощь, как могли. Но рана воспалилась.

– Он никому не хотел говорить, – перебила его Гертруда, дочь ярла, ее голос дрожал от волнения. – Он боялся, что если враги узнают о его слабости, они нападут на нас. Поэтому он приказал нам молчать.

– Поэтому набег возглавил я, – закончил Торвальд. – Ярл не мог идти в бой в таком состоянии. Но он настоял на том, чтобы мы вернулись как можно скорее. Он хотел убедиться, что все в порядке, что его народ в безопасности.

Теперь я поняла, почему Торвальд так защищал ярла. Он не просто служил ему. Он любил его как отца. И готов был на

все, чтобы защитить его. Я также поняла, почему Гуннхильд так недолюбливала Торвальда. Он был не ее сыном, а значит, не имел права на трон. Но Ярл видел в нем своего преемника.

– Кто-нибудь еще знает о ране? – спросила я, стараясь собраться с мыслями.

– Только я, Гуннхильд, Гертруда и несколько самых преданных воинов, – ответил Торвальд.

– Значит, они скрывали это от всех, – пробормотала я, размышляя вслух. – Потому что боялись врагов. Но сейчас, если инфекция распространится дальше, враги им уже не понадобятся. Ярла убьет его же собственное тело.

Я повернулась к Гуннхильд.

– Мне нужно увидеть рану, – сказала я. – Мне нужно знать, насколько все плохо. И мне нужны чистые тряпки, горячая вода и все, что у вас есть из лекарственных трав.

Гуннхильд кивнула, не говоря ни слова. Она больше не спорила. Она понимала, что сейчас на кону стоит жизнь ее мужа, и от меня зависит, сможет ли он выжить.

Гертруда быстро подошла к кровати и начала снимать шкуры, которыми был укрыт Ярл. Торвальд остался стоять рядом со мной, готовый прийти на помощь, если понадобится.

Когда шкуры были сняты, я увидела рану. Она была действительно ужасной. Края ее были воспалены и кровоточили. Вокруг раны виднелись признаки гнойного воспаления. Запах был отвратительным.

– Это очень плохо, – сказала я, стараясь скрыть дрожь в голосе. – Инфекция распространилась довольно далеко. Нам нужно действовать быстро. Достаньте все, что я просила.

Страх сковывал меня, но я понимала, что паника сейчас мой главный враг. Нужно действовать. Четко и быстро.

– Еще мне нужен крепкий алкоголь, – приказала я, стараясь говорить как можно увереннее. – И побольше. И чистое полотенце.

Гуннхильд смотрела на меня исподлобья, ее глаза сверкали недобрым огнем.

– Зачем ему алкоголь? Ты хочешь его отравить?

– Мне нужно обработать руки и инструменты, – объяснила я, стараясь не выходить из себя. – Сейчас каждая бактерия – наш враг. А если вы рассчитывали, что я буду шептать заклинания и сжигать вонючие травы, делая вид, что пытаюсь исцелить вашего мужа, то вы ошибаетесь. Я буду бороться за его жизнь, как умею. И сейчас прошу вас не мешать.

Гуннхильд открыла было рот, чтобы возразить, но Гертруда обняла ее за плечи и увела в сторону, что-то шепча на ухо. Я благодарно посмотрела на девушку. Она понимала, что сейчас важны не распри, а жизнь ее отца.

Алкоголь принесли быстро. Я тщательно обработала им руки и нож Торвальда – единственный инструмент, который у меня был.

– Нужно что-то, чтобы он мог сжать зубами, – сказала я, глядя на Торвальда. – Деревяшку, рукоять от кнута, что угод-

но. Иначе он раскрошит себе зубы от боли.

Торвальд кивнул и вышел из комнаты. Вернулся он с обрывком толстой кожи. Он скатал его в трубочку.

– Держи, – сказал он, протягивая мне кусок кожи.

Я взяла кожу и отдала ее Гертруде.

– Дайте ему это, – сказала я. – И объясните, что сейчас будет больно.

Гертруда присела рядом с отцом и что-то прошептала ему на ухо. Он слабо кивнул. Девушка вложила кожу ему в рот.

– Нам нужна помощь, – сказала я Торвальду. – Позовите воина. Сильного воина. Он будет держать ярла, когда я буду вскрывать рану.

Торвальд вышел и вернулся с тем самым воином, который привел нас сюда. Он был крепким, молчаливым и казался спокойным, как море в штиль.

– Ты будешь держать его во время процедуры, – сказала я воину. – Нужно, чтобы он не дергался.

Воин кивнул и занял свое место рядом с кроватью.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоить дрожь в руках. Я понимала, что времени терять нельзя. Но и торопиться не могу себе позволить. Одно неверное движение – и я могу убить его.

Я начала осторожно осматривать рану. Она была глубокой и воспаленной. Края ее сильно разошлись. Я поняла, что мне придется ее вскрывать, чтобы вычистить гной. Но я боялась. Боялась, что сделаю что-то не так. Боялась, что уже слишком

поздно.

– Я боюсь, – прошептала я скорее самой себе, чем кому-то еще. – Я очень боюсь.

– Ты справишься, – услышала я тихий голос Гертруды. – Я верю в тебя.

Я посмотрела на девушку. В ее глазах не было ни страха, ни упрека. Только надежда. И вера.

Я снова глубоко вздохнула и взяла нож. Я понимала, что должна сделать это. Ради ярла. Ради себя самой.

Медленно, осторожно я начала вскрывать рану.

Ярл застонал сквозь зубы, стиснув кусок кожи сильнее. Воин крепко держал его. Я старалась не обращать внимания на стоны и сосредоточиться на своей работе.

Я вскрыла рану и увидела гной. Много гноя. Он был густой, желтый и ужасно вонючий. Я понимала, что инфекция очень сильная.

– Чистые тряпки! – приказала я.

Гуннхильд быстро подала мне полотенце. Я начала осторожно вычищать гной из раны. Это было больно, грязно и опасно. Но я знала, что должна сделать это.

Я вычищала гной, пока рана не стала относительно чистой. Но я боялась, что это еще не все. Боялась, что инфекция уже проникла в кровь. Боялась, что начался сепсис.

– Нам нужны травы, – сказала я. – Травы, которые помогут остановить инфекцию. Травы, которые помогут ему выжить.

– Какие? – спросила Гуннхильд. Сейчас она уже не была

так агрессивно ко мне настроена, но все равно на лице было настороженное выражение.

Запах гноя, смешанный с запахом крови, вьелся в мои ноздри. Нужно было как можно скорее остановить инфекцию, если я хотела спасти ярла.

– Мне нужен зверобой, – сказала я, глядя на Гуннхильд. – Он обладает антибактериальными свойствами. И ромашка, чтобы успокоить рану. И шалфей, чтобы остановить кровотечение. И если у вас есть кора дуба, то она тоже пригодится. Она поможет стянуть рану.

Гуннхильд ничего не ответила. Она лишь бросила на меня испепеляющий взгляд и вышла из комнаты, увлекая за собой Гертруду. Воин остался стоять у кровати ярла, не сводя с него глаз. Он казался невозмутимым и за все это время не проронил ни слова. Но я видела, как дрожит его рука. Он тоже боялся за жизнь ярла.

Когда они ушли, я повернулась к Торвальду.

– Кем ты приходишься ярлу? – спросила я, стараясь говорить как можно спокойнее. – Ты ему как сын?

Торвальд вздохнул и опустил глаза.

– Я сын чужеземки, – ответил он. – Ее пленили когда-то давно. Ярл привез ее сюда как трофей. Она не была воином. Она была женщиной из далекой страны. Она ждала ребенка. Меня.

Я молча смотрела на него. Теперь я понимала, почему он так предан ярлу. И почему Гуннхильд его так ненавидит.

– Она родила меня здесь, – продолжал Торвальд, – но умерла в родах. Ярл говорит, что она была очень красивой. И очень несчастной. Она не приняла его. Ненавидела его. Обвиняла его в смерти своего любимого. Я не викинг по крови, – сказал он, – но я викинг по духу. Ярл вырастил меня как сына. Он любил мою мать. Но она не смогла полюбить его.

Я ничего не ответила. Я понимала, как тяжело ему было расти без матери. И как тяжело было ярлу жить с женщиной, которая его ненавидела.

В этот момент дверь открылась, и вернулись Гуннхильд и Гертруда. Они несли корзину, полную трав. Сухих и свежих. В пучках и перетертых. Они принесли воду и котелки.

– Вот все, что у нас есть, – сказала Гуннхильд, ставя корзину на пол. – Надеюсь, этого будет достаточно.

Я кивнула и начала разбирать травы. Тут были и зверобой, и ромашка, и шалфей, и кора дуба. И еще много других трав, названий которых я не знала.

– Нам нужно сделать настой из зверобоя, – сказала я. – Он поможет остановить инфекцию. И отвар из коры дуба, чтобы промывать рану. Он поможет ей быстрее затянуться.

Гуннхильд молча начала готовить настой и отвар. Гертруда помогала ей. Я смотрела на них и понимала, что сейчас мы все работаем вместе. У нас одна цель – спасти жизнь ярла. Что будет завтра? Я не знаю, но если ярл умрет, то лично для меня – ничего хорошего.

Пока Гуннхильд и Гертруда готовили отвары, я внима-

тельно следила за их действиями, поправляя и показывая, как лучше измельчить травы, как долго настаивать и как процеживать. Это было похоже на долгий и мучительный урок, где каждая ошибка могла стоить жизни.

– Промывать рану нужно отваром коры дуба, аккуратно, но тщательно, – объясняла я, демонстрируя свои действия на примере. – Он поможет стянуть края и остановить распространение инфекции.

Затем я снова осмотрела ярла. Жар не спадал. Его лицо было красным, кожа – сухой и горячей.

– Нужно сбить температуру, – сказала я. – Возьмите полотенце, смочите его в прохладной воде и обтирайте его тело. Это поможет ему охладиться.

Гуннхильд посмотрела на меня недоверчиво.

– Он же замерзнет, – возразила она.

– Жар гораздо опаснее, чем холод, – ответила я. – Доверьтесь мне.

Она неохотно согласилась и начала обтирать тело ярла влажным полотенцем.

– И еще, – добавила я, – ему нельзя давать тяжелую пищу. Сейчас его организм ослаблен, ему будет трудно ее переваривать. Вместо жареного мяса нужно дать легкий куриный бульон и побольше воды. Ему нужно восстановить силы.

Мы просидели у постели ярла всю ночь. Гуннхильд и Гертруда по очереди обтирали его тело, давали ему пить и меняли повязки на ране. Я внимательно следила за его состо-

ниями, измеряла температуру, как могла, ориентируясь на свои ощущения, и наблюдала за дыханием. Торвальд не покидал комнаты ни на минуту. Он сидел в углу и молча смотрел на ярла, его глаза были полны тревоги и надежды. Воин все также стоял у кровати, не сводя с ярла взгляда.

К рассвету я поняла, что это пик. Именно сейчас станет понятно, выживет ярл или нет. Жар то поднимался, то опускался, дыхание становилось то глубже, то поверхностнее. Я не могла предсказать, что произойдет дальше. Все, что я могла делать, — это ждать.

Напряжение в комнате было невыносимым. Тишину нарушали лишь хриплое дыхание ярла и тихий шепот молитв. Мои нервы были на пределе. Я чувствовала, как во мне нарастает паника.

Но я не сдавалась. Я продолжала делать все, что в моих силах. Промывала рану, меняла повязки, обтирала тело и следила за дыханием. Боролась за его жизнь. Как могла.

Наконец, когда первые лучи солнца проникли в комнату, я заметила перемену. Лицо ярла стало более спокойным, дыхание — ровным и глубоким. Температура начала постепенно снижаться.

Неужели это конец? Неужели он умирает? Или это знак того, что он идет на поправку?

Я не знала. Я просто смотрела на него, затаив дыхание, и ждала.

Глава 7.

Вдруг ярл открыл глаза.

Его взгляд был мутным и бессмысленным. Он не видел нас. Не узнавал.

Но он был жив.

Он был жив... пока.

Но что будет дальше? Сможет ли он победить болезнь? Сможет ли он вернуться к нам?

Или это лишь временная передышка перед неизбежным концом? Миг тишины перед бурей?

Ответа не было. И я боялась, что он мне не понравится.

Гертруда, закончив обтирать отцу лицо, тихо всхлипнула. Я ощутила на себе ее взгляд, полный отчаяния и одновременно надежды.

– Откуда ты знаешь все это? – спросила она тихо, стараясь не разбудить отца. – Про травы, про лечени

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.